

IV Очередной Всероссийский социологический конгресс

Социология и общество:
глобальные вызовы и региональное развитие

5

Круглый стол 5

**Толерантность
и миграция**

Ананьина В. Т. , Екатеринбург

Межэтническая толерантность и особенности ее исследования в межнациональных семьях

Аннотация

В статье рассматриваются особенности толерантности как междисциплинарного понятия, анализируется связь между этнической толерантностью и этнической идентичностью, акцентируется внимание на специфике исследования толерантности в межэтнических семьях.

Ключевые слова: толерантность, межэтническая толерантность, этничность, этническая идентичность

Количество исследований, связанных с анализом феномена толерантности, увеличивается, поскольку в обществе происходят процессы глобализации, всеобщей интеграции, определяющие потребность в международной коммуникации, следствием чего является процесс объединения наций, взаимопроникновение различных культур и религий. Феномен толерантности занимает определяющее место в осуществлении успешного становления данных процессов, от которых зависят построения общественных, политических и межличностных отношений [3].

Термин «толерантность» изменял свое значение и в зависимости от исторического периода. Так Аристотель, Ф. Аквинский соотносили толерантность с добродетелью и любовью к ближнему. Ф. Бэкон, Дж. Локк, Г. Гегель, А. Шопенгауэр отождествляли ее с веротерпимостью и конструктивной позицией, обладающей большим смыслом в отличие от интолерантности. В работах О. Конта и Э.Дюркгейма толерантность выступает элементом и условием социальной солидарности. И. Кант, Ж. Руссо представляли ее как всеобщий долг.

Отсюда Д. Лорсен и К. Нидерман говорят о том, что не существует универсального понимания и идеальной концепции толерантности. Существуют разные модели толерантного сознания в разные исторические эпохи у разных культур и обществ. Толерантность – не что иное, как «семейное сходство» [5] определенных практик: (безразличия, доброжелательности, почтения, терпимости и т. п.).

В настоящее время толерантность является междисциплинарным понятием, которое объединяет различные подходы к его пониманию. Возможно поэтому в научной литературе понятие «толерантность» трактуется не однозначно. Смысл его зависит от сущности подхода, контекста употребления определения, проводимого исследования.

В рамках исследований, посвященных межэтническим отношениям, понятие «толерантность» многими авторами трактуется, как уважение к представителям различных этносов, религий, культур, и в контексте глобализации выступает неперенным условием развития современной цивилизации. Так в «Философском словаре» толерантность определяется как «терпимость к чужому мнению, образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, идеям, верованиям, отличающимся от собственных» [4]. Следовательно толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений [2].

Толерантность – как качество личности, которое противопоставляется стереотипности и авторитаризму, считается необходимым для успешной адаптации к новым неожиданным условиям [1]. В контексте данной трактовки можно выделить два аспекта толерантности: внешний и внутренний [1]. Не случайно Д. Милль анализирует толерантность как определенное условие для свободы, которое развивает индивидуальность, а Д. Ролз рассматривает ее как следствие более широкой теории социальной справедливости.

В глобализирующемся обществе важной исследовательской проблемой становится межэтническая толерантность. Этническая нетерпимость увеличивается вследствие социальной дифференциации. Этому процессу способствуют не только разнообразные отличия одной этнической группы от другой, но и возникновение новых функций и ролей. Процесс приобретения новых социальных ролей и функций начинает восприниматься как угроза для этнической идентичности. Эти обстоятельства в значительной степени усиливают нетерпимость к представителям разных этнических групп.

В современной литературе чаще всего акцентируют внимание на том, что в данном аспекте толерантность предполагает принятие другой этнической группы с её особенностями. Но этническая толерантность представляет собой нечто большее, чем простое принятие, а включает также избирательное отношение к другому этносу, его представителям и их этнической идентичности, возникающее в процессе и результате межэтнического взаимодействия.

Этничность возникает в процессе социальной деятельности – и постоянно подтверждается или перестраивается. Идентификация определяет цели, уровень самоуважения и самооценку индивида. Идентичность появляется в ходе развития процесса идентификации. Заключается она в соотнесении себя с какой-либо социальной группой и ощущением при-

надлежности к целостной структуре, осознании человеком того, что он является не только частью структуры, но и занимает в ней определенное место. Идентичность помогает реализовать основную потребность и обозначить социальное положение.

В настоящее время происходит рост этнической идентичности, этот процесс касается многих стран. Формы проявления достаточно разнообразны: от восстановления традиций до стремления создать национальную государственность, ограничив при этом духовную и материальную культуру от внешнего влияния.

Ситуация в России не отличается коренным образом. Исследователи наблюдают у многих народов рост этнической идентичности. Тем не менее, в качестве исключения можно обозначить русский народ, представители которого не обязательно осознают принадлежность к русскому этносу.

Одной из наиболее острых проблем в области этнической толерантности становится создание межнациональных семей, когда один из партнеров не разделяет или не принимает убеждения другого, проявляя при этом этническую интолерантность. Происходит это в процессе осознания индивида несоответствия между отношениями внутри малой группы (семьи) и нормами поведения, стилем жизни, к которому призывает его этническая идентичность.

Поскольку семья представляет собой с одной стороны, социальный институт, а с другой – малую социальную группу, то для изучения вопросов межэтнической толерантности в семье нужно учитывать необходимость уровня подхода к их исследованию. Общеизвестно, что социология исследует общество и социальные процессы на макро- и микроуровне. В социологической науке толерантность как социальный феномен изучается в рамках макро- и микросоциологических теорий. Макросоциологический подход актуализирует рассмотрение толерантности на уровне крупных социальных структур, которые имеют закономерности функционирования.

Использование методологии микросоциологии при изучении толерантности индивидов на уровне межличностного взаимодействия в семье, направлено на анализ способов конструирования индивидами социальной реальности.

Придерживаясь толкования толерантности, предложенного П. Николсоном, в статье «Толерантность как моральный идеал», мы считаем, что толерантность в межэтнических семьях следует рассматривать как особое отношение, в основе которого лежат следующие основные элементы:

- наличие некоторого отклонения;
- моральная важность, нетривиальность этого отклонения для субъекта толерантности;
- наличие у субъекта толерантности силы воздействия на существование данного отклонения;
- воздержание субъекта толерантности от употребления этой силы;
- благость толерантности как морального идеала [6].

Такой подход, по нашему мнению, позволит не только определить причины таких отклонений, но и измерить их уровень, выявить степень риска семейных конфликтов и разводов на межнациональной почве.

Библиографический список

1. Воспитание толерантности через социокультурное взаимодействие. // Развитие исследовательской деятельности учащихся: Методический сборник / Сост. и ред. М.С. Мириманова, А.С. Обухов. М.: Народное образование 2001.
2. Декларация Принципов Толерантности, утвержденная резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16.11.1995.
3. Касьянова Е. И. Социально-философские основания толерантности: авт. дисс. д.ф.н. - Улан-Удэ: Читинский ун-т, 2009.
4. Толерантность // Философский словарь. URL: <http://www.philosophydic.ru/tolerantnost> (Дата обращения: 10.06.2012).
5. Cary J. Nederman Toleration in a New Key: Historical and Global Perspectives // Материалы междун. науч. конф. «Толерантность в контексте актуальных проблем современной социальной теории и практики» Екатеринбург, 22-29 сент. 2002.
6. Nicholson P. P. Toleration as a Moral Ideal//Aspects of Toleration. Philosophical Studies / Ed. Be J. Horton and S. Mendus. L; N.Y., 1985. P. 158-173 / Перевод с английского Я. Р. Абдуллин, М. Б. Хомяков. URL: http://virlib.eunnet.net/vestimion/01_02/007.html (Дата обращения: 14.06.2012).

Бреславский А. С., Улан-Удэ

Пригороды Улан-Удэ в миграционных процессах постсоветской Бурятии¹

Аннотация

В статье рассматривается роль постсоветских миграционных процессов в трансформации пригородных поселений Улан-Удэ. Автор фокусируется на анализе количественных и качественных изменений в структуре местных сообществ, а также на проблеме взаимодействия мигрантов и муниципальной власти.

Ключевые слова: миграционные процессы, пригороды, Улан-Удэ, местные сообщества

В современных академических дискуссиях, касающихся различий в исследуемой реальности Западных городов и городов бывшего СССР, одним из наиболее значимых факторов признается характер миграций [5, с. 76]. Если на западные города, начиная с послевоенного времени существенное влияние стали оказывать миграции из «стран третьего мира», то в случае с постсоветскими городами более значимой оказалась внутренняя миграция. Случай постсоветского Улан-Удэ — столицы Бурятии — в этом смысле достаточно показателен. И это объяснимо, поскольку город в последние двадцать лет стал главным центром притяжения внутриреспубликанских сельских мигрантов [1, с. 132-155; 2, с. 4; 12; 13, с. 163-184]. Сельчане с каждым годом продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя жилье, а иногда и незаконно захватывая земли в различных частях города [3, 129-154].

Вместе с тем сегодня достаточно значительная территория Улан-Удэ [14], как оказывается, уже не может обеспечить потребности новых переселенцев в доступном жилье и земле. В этих условиях — недостатка городской земли, а также ее высокой стоимости — мигранты все чаще обращают свое внимание на пригороды Улан-Удэ. И здесь самое время отметить второе

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI вв.» Иркутского госуниверситета в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по лоту «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области гуманитарных наук», шифр 2010-1.1-300-151.

важное обстоятельство, отличающее Улан-Удэ (постсоветские города) от западноевропейских и американских городов. Он никогда не имел ни предместий, ни маленьких городков, окружающих его в качестве пригородов. В советские годы эту роль играли спальные и заводские районы, а также значительные по площади зоны индивидуальной застройки. Вместе с тем, сегодня, выехав за пределы городского округа, уже в непосредственной близости от него, можно встретить поселения, которые сами местные жители и административная власть называют «пригородом». Что представляют собой эти поселения и населяющие их сообщества? Каким образом Улан-Удэ, являющийся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, видоизменил жизнь рассматриваемых пригородных сообществ и сами эти поселения за последние двадцать лет? Предварительный ответ на поставленные вопросы может быть представлен в виде следующей исследовательской гипотезы: пригородные поселения Улан-Удэ до начала 1990-х гг. являлись «пригородом» исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа); начиная с 1990-х гг., а в особенности в 2000-ые гг., ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате которого произошло существенное обновление местных сообществ, а также начала выстраиваться их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Такого рода формулировка гипотезы подталкивает нас к постановке новых вопросов: становятся ли пригородные сообщества Улан-Удэ «городскими» (по образу жизни, деятельности, идентичности)? Происходит ли урбанизация пригородной жизни (на уровне практик, дискурсов)? Меняется ли внешний облик, инфраструктура пригорода? Чтобы ответить на поставленные вопросы, далее мы последовательно рассмотрим, во-первых, особенности и общие черты интересующих нас пригородных поселений, во-вторых, процессы их визуальной трансформации, изменения в структуре местных сообществ, связанные с воздействием миграционных процессов и, наконец, в заключение обратим внимание на отношение административной власти к «новым» мигрантам и ситуации, которую они формируют в пригородах.

Пригородные территории Улан-Удэ составляют исключительно сельские поселения. Столицу республики окружают четыре сельских района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский. Данное исследование основывается на четырех кейсах — обследованиях, организованных автором в течение апреля-мая 2011 г. в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) [6] Тарбагатайского района республики, селах Нурселение, Сужа [11] Иволгинского района и селе Эрхирик [10] Заиграевского района. Дальнейшие выводы опираются на материалы серии фокусированных неформализованных интервью и возможности включенного наблюдения автора. В качестве информантов (всего 12 человек) высту-

пили жители обозначенных сел. В исследовании были также использованы статистические и аналитические материалы администраций местных муниципальных образований, взятые с их официальных сайтов [7; 8; 9].

Рассматриваемые села вплоть до последнего времени было сложно сопоставить с пригородами западных городов по многим критериям — количеству населения, уровню инфраструктуры, идентичности местных жителей, образу их жизни. Каждый из рассматриваемых кейсов — Нижний Саянтуй, Сужа, Нурселение, Эрхирик — до середины 1990-х гг. представлял собой достаточно типичное слабоурбанизированное сельское поселение (в советские годы — организованное вокруг колхоза / совхоза), жители которого вели сельский же образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); преобладающей была и «сельская» идентичность. Вместе с тем с начала 2000-х гг., а в особенности с их середины, ситуация начала меняться: рассматриваемые села, в советские и в 1990-ые годы считавшиеся пригородом во многом номинально, сугубо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа, стали приобретать все больший интерес у потенциальных переселенцев. Географическая близость к городу, долгое время остававшаяся неактуализированным ресурсом приобрела высокое символическое значение. Произошедшие изменения за последние двадцать лет выразились, как представляется в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий — увеличением потока мигрантов — трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород-город-пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность.

Первая тенденция, о которой мы сказали, связана с увеличением потока мигрантов в рассматриваемые пригородные села. Возвращаясь к сформулированной выше гипотезе, отметим, что именно миграционная привлекательность этих территорий, на наш взгляд, способна обеспечить их «превращение» в «пригород». Рассмотрим этот тезис подробнее. Стоит начать, пожалуй, с ответа на вопрос: что мы знаем о мигрантах в пригородах постсоветского Улан-Удэ? Кто они? Каковы их миграционные мотивы, ожидания, стратегии расселения и адаптации? Опираясь на материалы собственного обследования, мы можем выделить в структуре мигрантов, поселившихся в рассматриваемых поселениях с начала 1990-х гг., две наиболее значительные группы: сельских жителей Бурятии, переехавших «поближе к городу» и, собственно, городских жителей, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жилье в сельском пригороде. Стоит отметить сразу, что среди жителей рассматриваемых пригородных сел на момент обследования не было иностранных мигрантов и практиче-

ски отсутствовали переселенцы из других субъектов России (на этот счет нет статистики — опираемся на данные интервью и материалы включенного наблюдения).

Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет стал достаточно распространенной практикой. Улан-Удэ, будучи в повседневном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики: развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр. При этом представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей, на наш взгляд, было и в целом остается отстраненным, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдаленных от столицы республики сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Поэтому часть из них предпочитают городу — сельский пригород, который выглядит «более безопасным и более близким». По пути в «город» часть сельчан встречает также и непреодолимые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в пригородах. Главным образом это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточных средств для покупки участка городской земли, недвижимости или ее аренды.

Вторая наиболее значительная группа мигрантов в пригородах — переселенцы из города. Отметим, что в целом переезд жителей Улан-Удэ в сельские поселения республики — количественно менее выраженная практика по сравнению с миграцией сельчан в город. Представляется вполне очевидным, что число горожан, поменявших квартиру на дом в деревне, в изучаемый период было значительно меньше тех, кто пытался, продав сельский дом, купить жилье в черте города. Вместе с тем постоянно увеличивающаяся плата за коммунальные услуги, желание жить в более благоприятных экологических условиях, «на земле», иметь большую жилую площадь ежегодно подталкивает часть горожан к переезду за пределы Улан-Удэ, по возможности в близлежащие села и поселки, в том числе не входящие в состав городского округа. Часть из них имеет возможность обеспечить на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», другим (не очевидно, кого здесь больше) — не получается выйти за рамки «сельского минимализма». Так или иначе к настоящему моменту нельзя сказать, что пригороды Улан-Удэ стали местом массового прибытия финансово успешных улан-удэнцев.

Вместе с тем в разрезе четырех рассматриваемых нами кейсов проявились и некоторые особенности в структуре мигрантов, в их количестве и в их количественном соотношении с местным населением. Так, в селе Нижний Саянтуй (Вахмистрово) — одном из наиболее удобных с точки зрения транспортной доступности — количество мигрантов с каждым

годом (по общей для всех четырех кейсов тенденции) лишь возрастает. При этом здесь можно встретить не только жителей из более отдаленных поселений района, но и значительное количество горожан, а также переселенцев из всех сельских районов Бурятии. При все увеличивающемся потоке мигрантов их количество в селе все же еще не соотносимо с числом местных жителей. Схожая ситуация имеет место в с. Эрхирик Заиграевского района. Однако здесь и самих мигрантов ежегодно, как оказалось, пребывает меньше. Переезжают в основном горожане, в значительно меньшей степени – жители других районов республики (возможно, это можно связать с тем, что граница с городом находится в северо-западной его части, наиболее отдаленной от городского центра).

В селах Сужа и Нурселение Иволгинского района, которые расположены друг напротив друга, наблюдается обратная ситуация. Здесь количество мигрантов постсоветской волны на момент исследования оказалось вполне сопоставимо с числом местных жителей. Это особенно показательно в случае с с. Нурселение, население которого за последние двадцать лет увеличилось кратно. При этом основную долю мигрантов здесь составляют сельчане – как «местные» (из Иволгинского района), так и из других районов республики.

Рассматриваемые нами села, как мы отмечали, объединяет советское колхозное / совхозное прошлое. В этом смысле важно отметить, что все они на момент обследования представляли собой территории с отчетливо видимыми зонами «старой» и «новой» застройки – советского и постсоветского периода. При этом количественное (визуальное) соотношение старых и новых построек, а также «коренных» и «новых» жителей в этих селах существенно отличалось. Так, в с. Нижний Саянтуй и Эрхирик, с. Сужа, как показало исследование, преобладают зоны старой застройки, новые улицы начали появляться лишь в последние годы (с 2007-2008 гг.) и в относительно незначительных масштабах (в среднем 30-50 домов). Обратная ситуация характерна для с. Нурселение, население и внешний облик которого претерпели существенные изменения в связи с массовыми миграциями.

С точки зрения формирующегося ландшафта застройки ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный «деревенский» стиль без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены основательно. В целом же, с визуальной точки зрения, пригороды Улан-Удэ на момент исследования сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений современной Бурятии: здесь слабо развита социально-бытовая инфраструктура, инфраструктура отдыха и развлечений, нет крупных супермаркетов, плохие дороги, жилищное строительство однообразно и утилитарно.

Воздействие постсоветских мигрантов на местные сообщества оказалось, пожалуй, не более значимым, чем их роль в трансформации архитектурного ландшафта. Здесь стоит говорить, на наш взгляд, в основном

о количественных, но не качественных изменениях. Местные жители в своих интервью, конечно, отмечали, что они замечают новых жителей. Вместе с тем их отношение к приезжим «соседям» было и остается в целом относительно нейтральным — пристального внимания к их жизни они не проявляют. То же характерно, на наш взгляд, и для самих мигрантов. Вероятно, это можно связать также с тем, что мигранты (в основном сельчане и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т. п. При том, что мигранты оказались в роли «гостей», в рассматриваемых поселениях за прошедшие годы не возникли какие-либо значимые основания для консолидации «приезжих» против «местных» и наоборот. Не актуальны здесь, как представляется, и какие-то потенциально конфликтные групповые идентичности. В частности, усложнение национального состава во всех поселениях, бывших некогда в этнической срезе практически гомогенными, не привело к сколь-нибудь острым конфликтам. На это влияет традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

Вопросы, связанные с активным заселением пригородных поселений Улан-Удэ, вплоть до последних лет не включались в республиканскую или городскую повестку дня, оставаясь «проблемами местного значения». Однако в 2010 г. в связи с публичным обсуждением и принятием новой Концепции территориального развития Улан-Удэ [4], на них обратили внимание. В новой Концепции было предложено три варианта развития Улан-Удэ, предполагавших расширение границ городского округа за счет пригородных территорий (в т. ч. поселений) Иволгинского, Заиграевского и Тарбагатайского районов. В намеченной перспективе с. Нижний Саянтуй, Нурселение, Сужа, Эрхирик могут войти в состав города. Вполне возможно, что это поспособствует развитию данных территорий, их качественному преобразованию. Пока же подобная перспектива вызывает к жизни достаточно сдержанные, но оптимистические ожидания местного населения относительно инфраструктурного благополучия своих территорий. Так или иначе, решение о включении рассматриваемых пригородных поселений в состав Улан-Удэ лишь повысит уровень их миграционной привлекательности, а, значит, поток переселенцев в эти места, наверняка, увеличится. На это сетуют и местные власти, ведь в их взаимоотношении с мигрантами уже сегодня основным вопросом является проблема незаконного захвата земли и, соответственно, проблемы регистрации. Стоит отметить, что муниципальные власти в данном случае пока идут на уступки. Так, в Нижнеиволгинском (с. Сужа и Нурселение) и Дабатуйском (с. Эрхирик) сельском поселении земельные участки до конца 2013 г. решили оформлять по «упрощенной системе», освобождая нарушителей закона и местных нормативно-правовых актов от административного наказания. Это позволяет многим переселенцам узаконить свои земельные участки, став законными собственниками занятых прежде земель.

Другой значимой проблемой, связанной с существенным прибытием в пригородные поселения новых жителей, стало увеличение нагрузки на социальные и коммунально-бытовые службы местных и без того финансово слабых сельских муниципалитетов (школы, детсады, полиция, водоснабжение и электроснабжение и пр.). При том, что рассматриваемые нами поселения уже ни один год считают «пригородом», а в ближайшем будущем их могут включить в городской округ, они по-прежнему не лишены многих хронических проблем с водоснабжением, энергоснабжением и т. п. Лишь в последние годы были решены вопросы с общественным транспортом. Сохраняя привлекательность для тех, кто стремится жить недалеко от Улан-Удэ, пригородные поселения пока не обеспечивают местных жителей комфортными условиями, сопоставимыми с теми, что существуют, например, в благоустроенных районах города. Во многом именно поэтому переезд в пригород для многих горожан, и чуть в меньшей степени для сельчан, до сих пор остается во многом вынужденной, а не привлекательной миграционной стратегией.

Библиографический список

1. Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. — Иркутск: Оттиск, 2010. — С. 132-155.
2. Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. — 2002, 1 нояб. — С. 4.
3. Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов / В.Н. Давыдов и др. — Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. — С. 129-154.
4. Концепция территориального развития городского округа «Город Улан-Удэ» до 2025 года с увеличением численности населения до 700 тысяч человек. URL: www.ulan-ude-eg.ru/news/for_news/2010.11.19/D01.doc (Дата обращения: 16.05.2011).
5. Космарская Н.П. Исследования города // Антропологический форум. — СПб: МАЭ РАН. — 2010. — № 12. — С. 76.
6. Краткая справка о Тарбагатайском районе Республики Бурятия на 01.08.2009 г. URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru/official/101/> (Дата обращения: 16.05.2011).
7. Официальный сайт Заиграевского района. URL: <http://www.admzgr.e-baikal.ru> (Дата обращения: 12.04.2011).

8. Официальный сайт Иволгинского района. URL: <http://www.ivolginsk.info> (Дата обращения: 12.04.2011)
9. Официальный сайт Тарбагатайского района. URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru> (Дата обращения: 12.04.2011).
10. Перечень населенных пунктов муниципальных образований по Республике Бурятия. URL: http://www.minpriroda-rb.ru/content/nas_punkt.php?SECTION_ID=571 (Дата обращения: 16.05.2011).
11. Программа социально-экономического развития сельского поселения «Нижнеиволгинское» на 2008-2010 годы и на период до 2017 года. URL: <http://www.ivolginsk.info/poseleniya/nizhneivolginskoe.html> (Дата обращения: 16.05.2011).
12. Рандалов Ю.Б. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 165 с.
13. Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 163-184.
14. Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. URL: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (Дата обращения: 22.04.2009).

Варганова О. Ф., Уфа

Взаимная адаптация мигрантов и местного населения в условиях крупного полиэтнического города

Аннотация

В статье описаны особенности взаимной адаптации мигрантов и местного населения в Республике Башкортостан в условиях крупного полиэтнического города. Представлены факторы и показатели, которые оказывают влияние на характер взаимной адаптации мигрантов и местного населения. Анализ построен на итогах социологического исследования «Социально-экономические особенности взаимной адаптации мигрантов и местного населения», проведенного в 2010 году, направленного на разработку практических рекомендаций в целях совершенствования миграционной политики.

Ключевые слова: взаимная адаптация, миграция, дезадаптация, межнациональные отношения, ксенофобия, толерантность, миграционная политика

Общественные перемены последнего десятилетия кардинально изменили политическую и социальную ситуацию на постсоветском пространстве, и миллионы людей стали вынужденными мигрантами.

В ближайшей перспективе будет увеличиваться количество соотечественников из республик бывшего Советского союза, возвращающихся в Россию, а также приезжающих трудовых мигрантов, предстоит принять и оказать содействие в решении их многообразных проблем. В настоящее время взаимная адаптация мигрантов и местного населения не является оптимальной, на фоне общего взаимного дружелюбия, проявляется ксенофобия и интолерантность как со стороны местного населения, так и мигрантов. Следует отметить, что целенаправленная работа по формированию толерантности, сотрудничества и дружбы между мигрантами и местным населением не ведется [1, с.23].

Под термином взаимная адаптация следует понимать процесс приспособительного взаимодействия, который направлен на установление определенного соотношения сторон, оптимального для их совместного функционирования и развития [4, с.42].

На процесс адаптации мигрантов существенное воздействие оказывают проблемы, с которыми им приходится сталкиваться в иноэтническом окружении. Прежде всего, это деятельность государства и его миграционная политика, деятельность общественных переселенческих организаций, возможность трудоустройства, вопросы, связанные с пропиской и регистрацией, роль СМИ и т. д.

К основным показателям успешности адаптации мигрантов относят: установление позитивных связей с новой средой, решение ежедневных житейских проблем (школа, семья, быт, работа), участие в социальной и культурной жизни принимающего общества, удовлетворительное психическое состояние и физическое здоровье, адекватность в общении и в межкультурных отношениях, целостность и интегрированность личности [3, с.51].

В настоящее время различают два вида взаимной адаптации мигрантов и местного населения. Первый вид взаимной адаптации мигрантов и местного населения, приехавших для постоянного места жительства (вынужденные переселенцы, беженцы, соотечественники, возвратившиеся на Родину). Эта миграция длительная, перерастающая в постоянную, переходящую к поселению этих мигрантов для жительства в республике. Этот вид миграции для мигрантов означает прохождение адаптации от нейтрального отношения через толерантность, согласие, солидарность к сотрудничеству и дружбе.

Второй вид адаптации характеризуется кратковременностью и переходом в периодически повторяющийся цикл для адаптации трудовых мигрантов и местного населения. Этот вид означает переход от общения к позитивному взаимоотношению и временному (периодическому) сотрудничеству.

Особенности взаимной адаптации мигрантов и местного населения в крупном полиэтническом городе стали предметом анализа исследования «Социально-экономические особенности взаимной адаптации мигрантов и местного населения в Республике Башкортостан», которое было построено на статусном разделении мигрантов по мотивации их приезда. Объем выборки составил 120 человек (60 мигрантов и 60 жителей республики). Методика выборки: квотная районированная выборка с использованием шага на маршруте для местного населения (квоты – пол и возраст). Неслучайная выборка с использованием метода «снежного кома» для мигрантов. Опрос проводился методом стандартизованного интервью. Исследование проводилось в период с 11 по 30 апреля 2010 года в городе Уфа.

Анализ осуществлен по двум основным группам мигрантов: мигранты, прибывшие на постоянное место жительства, и трудовые мигранты, прибывшие в Республику Башкортостан с целью заработать.

Отношение местного населения к мигрантам превалирует в сторону отрицательного: 53,3% определяет свое отношение скорее отрицательно, 30,3% – отрицательно, враждебно, лишь небольшая часть респондентов (13,3%) характеризует свое отношение к мигрантам как нейтральное. Среди опрошенных отсутствуют, те, кто относится положительно к приезжим.

Следует отметить, что такое положение складывается в нашей республике в целом за счет негативного, и даже враждебного отношения к трудовым мигрантам. Отношение к мигрантам, приезжающим на ПМЖ более дружелюбное, т. к. большая часть таких мигрантов – соотечественники, возвращающиеся на свою Родину, либо представители преобладающих этносов республики.

Наибольшую долю помощи мигрирующие группы получают за счет родственников и друзей, которые могут помочь с трудоустройством, жильем, по необходимости оказать материальную помощь: 34% трудовых мигрантов получают помощь от родственников и 28,3% от друзей, для мигрантов, приехавших на ПМЖ, доля помощи от родственников и друзей составляет 27,2% и 20,4% соответственно. Незначительная доля помощи оказывается мигрантам государственными органами нашей страны. Лишь каждый 8 мигрант получает определенную поддержку от государственных органов принимающей страны. Таким образом, принимая решение о миграции, индивид может рассчитывать лишь на поддержку близких людей.

Дружелюбное отношение является важным для людей, находящихся вдалеке от Родины. Но для трудовых мигрантов нашей республики характерны случаи конфликтных ситуаций, большая часть которых случается по месту жительства 38,8%. Почти каждый четвертый сталкивался с конфликтной ситуацией на работе и в общественном месте. Повышенный уровень конфликтности связан в первую очередь с отрицательным, и даже враждебным отношением местного населения к данной категории мигрантов.

39,7% мигрантов ответили, что среди местных жителей есть отдельные люди, которых они считают своими друзьями. Чем старше возраст респондента, тем больше у него друзей среди местных жителей. Друзья среди местного населения есть у всех опрошенных мигрантов русской и украинской национальностей. Хорошие дружеские отношения с местным населением налажены у армян и казахов. Наиболее доброжелательно башкортостанцы, по оценкам респондентов, настроены к мигрантам с высшим образованием (50,0%). Друзья среди представителей общества Башкортостана есть у всей самой высокодоходной группы респондентов – мигрантов.

На постоянное место жительства в Башкортостан, в основном, приезжают представители Таджикистана, Узбекистана, Армении, Азербайджана и Казахстана [2, с. 34]. Причинами выбора респондентами РБ для постоянного места жительства служит то, что здесь уже проживают родственники и друзья мигрантов – респондентов, а также исторические семейные корни. Для каждого десятого респондента республика привлекательна в силу экономического развития и многонационального состава. При этом для 8,6 % переезд в Башкортостан – вынужденная мера.

Попадая в новую социокультурную среду, мигрант сталкивается с целым рядом проблем, которые снижают скорость адаптации личности. Для мигрантов, прибывших в республику, наиболее актуальными проблемами являются финансовые затруднения, трудности при получении

гражданства и отсутствие жилья. Для опрошенных респондентов весь спектр предложенных проблем оказался актуален. Следовательно, трудно-разрешимы для мигрантов и проблемы получения медицинской помощи, и устройства детей в детский сад. Для мигрантов, приехавших на ПМЖ ряд проблем, таких как - получение медицинской помощи и устройством детей в детский сад, является менее актуальным, чем для трудовых мигрантов. Поскольку социальная поддержка государства для первых более существенна, чем для других.

В результате проведенного исследования считается необходимым проведение целенаправленной работы по формированию доброжелательного отношения к мигрантам. Государственные, муниципальные органы, общественные организации призваны систематически проводить работу по выработке позитивного и доброжелательного отношения к мигрантам.

Для адаптации мигрантов к местным жителям в целом к республике большое значение имеет отношение к ним. Башкортостан относится к числу тех регионов, в которых отношение к мигрантам неконфликтное. Между местными жителями и мигрантами в основном толерантные отношения, а нередко и дружелюбные. Тем не менее, случаи недоброжелательного отношения и реже насилия, жестокости, драк имеют место. В настоящее время их число умножилось. Несколько хуже отзываются мигранты об отношении к ним муниципальных органов, республиканских органов, курирующих их проблемы. Что касается отношения мигрантов к местному населению, то оно преимущественно толерантное, хотя есть элементы недоброжелательного отношения.

Первостепенное значение для адаптации мигрантов имеет решение их насущных проблем, таких как: отсутствие жилья, трудности при получении гражданства, трудоустройство, финансовые трудности, получение прописки.

Для оптимизации процесса адаптации мигрантов, приезжающих на постоянное место жительства наибольшее значение имеет активизация следующих факторов: устранение всех барьеров на пути решения проблем обустройства этих людей в России; усиление деятельности всех институтов общества, направленных на оказание помощи мигрантам в решении всех их проблем, и, следовательно, в адаптации их к местным условиям; усиление разъяснительной работы среди местных жителей с тем, чтобы формировать у них стремление оказывать постоянную помощь мигрантам, приехавшим на постоянное место жительства; введение в обязанность муниципальных органов организацию консультаций и повышения квалификации трудовых мигрантов.

Необходимо повышать роль мигрантов в формировании стабильного российского общества. Этому будет способствовать и работа национально-культурных, молодежных, творческих и других общественных организаций с мигрантами. Только совместными усилиями местного населения, государственных органов и самих мигрантов можно достигнуть оптимальных возможностей для успешной взаимной адаптации мигрантов и местного населения.

Анализ проблемы позволяет сделать вывод о том, что миграционные процессы между Россией и бывшими советскими республиками способствуют укреплению общественных связей. Взаимная адаптация – это фактор укрепления страны, экономического, социального и духовно-нравственного общества. Результатом взаимной адаптации является удовлетворенность местного населения и мигрантов процессом взаимного общения и выработки желания и стремления к настоящему и/или периодическому сотрудничеству в интересах обеих субъектов.

В России актуальной проблемой стала выработка доброжелательного отношения населения к мигрантам, решения жизненных проблем мигрантов приезжающих на постоянное жительство и трудовых мигрантов.

Таким образом, современная жизнь населения Башкортостана уже немыслима без учета жизнедеятельности мигрантов. Наличие определенного числа мигрантов в структуре населения считается признаком цивилизованного гражданского общества, демократического государства. По этому критерию Республика Башкортостан становится гражданским обществом, развивающимся по демократическому, цивилизованному пути. В определенной мере мигранты являются фактором формирования гражданского общества в Башкортостане.

Дальнейшее успешное использование трудового потенциала мигрантов, их оптимальная жизнедеятельность во всех сферах общества зависит в значительной мере от взаимной адаптации местных жителей и мигрантов.

Библиографический список

1. Галин Р.А. Миграционные процессы в Республике Башкортостан. Уфа, 2007. – с.138.
2. Демографический ежегодник Республики Башкортостан: Статистический сборник. Госкомстат России. Комитет государственной статистики Республики Башкортостан: - Уфа, 2009. – с.75.
3. Филиппова В.И. Адаптация русских вынужденных мигрантов из нового зарубежья // Вынужденные мигранты. Институт этнологии и антропологии РАН. М, 1997. – с.123-128.
4. Шурупова А.С. Адаптация и приживаемость мигрантов // Социологические исследования. 2008. №6. – с.63-35.

Винокурова Д. М., Якутск

Об особенностях организации мигрантской среды: социальное измерение

Аннотация

В статье ставятся проблемы рассмотрения организации мигрантской коммуникативной среды в свете новых теоретических системно-функциональных подходов.

Ключевые слова: миграция; коммуникативная система; комплексность как пространство возможностей; различие предметного и социального измерений; места выхода и въезда

Долгое время господствовали концепции, ставшие классическими, которые в качестве основополагающих рассматривали экономические факторы миграции, как территориальное распределение рабочей силы. Оно и понятно, если учитывать длительность взаимодействия экономической функциональной системы и миграции. На теоретическом уровне разработка объяснительных схем, к примеру, причин вовлечения индивидов в миграционные процессы началось с экономических. Так, в 60-е гг. XX в. изучение социально-трудовой мобильности имело свою историю в рамках зарубежной и отечественной социологии. Активно разрабатывали темы социальных перемещений американские исследователи: Р. Бендикс, П. Блау, О. Данкен, С. Липсет, Э. Ли, Д. Фэзэрман, Р. Хаузер и др.

В тот же период разрабатывали концепции и проводили широко-масштабные исследования территориальной мобильности населения отечественные ученые Рыбаковский Л. Л., В.И. Переведенцев, Т.И. Заславская, М.Х. Титма, О.И. Шкаратан, Б.С. Хорев и др. В их работах изучались и систематизировались факторы, воздействующие на интенсивность, масштабность, направленность миграционных перемещений. Полученные ими результаты находили практическое применение при перераспределении трудовых ресурсов страны, обусловленном процессами индустриализации и урбанизации.

Обобщая многолетний опыт исследования миграции, современные исследователи делят его концептуальный подход на две группы.

В работах вышеуказанных авторов была предпринята попытка раскрыть специфику механизма перераспределения рабочей силы на уровне региона, страны и в международном масштабе. В данном контексте обо-

сновывались необходимые направления его совершенствования с учетом требований – развития экономики, особенностей демографической ситуации, достигнутого уровня занятости трудоспособного населения и т. д.

Однако тенденция развития современного общества характеризуется все более возрастающей территориальной мобильностью населения. Так, к 2010 г. общее число мигрантов в мире (кроме бывших СССР и Чехословакии) возросло в два с половиной раза по сравнению с 1960 г. и составило 188,0 млн. чел. [1 Доклад.. С. 30]. Причем, наряду с трудовой миграцией в связи с углублением специализации и разнообразием форм обучения расширяется до международного масштаба система образования. Кроме того, растет и доля мигрантов старше трудоспособного возраста, сменяющих постоянное место жительства. Все это способствует увеличению комплекса факторов развития, самоорганизации, направлений потоков и причин миграционных процессов.

Рост числа приезжего населения порождает проблемы взаимодействия с местным сообществом. Они сопряжены с вступлением его в коммуникативные связи по многим аспектам жизнедеятельности. И соответственно те объяснительные концепции, которые исходят из материальных выгод и потерь не всегда оказываются достаточно плодотворными в плане разработки типологии и объяснительных схем причин, факторов развития и самоорганизации миграционных процессов.

Очевидно, расширение масштабов воздействия миграционных воздействий способствовало фокусированию взгляда на более детальные проблемы взаимоотношений мигрантов в местах въезда. Так, сложные взаимосвязи миграционных процессов и адаптации мигрантов к принимающей социальной среде, условиях приспособления, факторах, определяющих ход, степень и время приспособления в различных типах ситуаций, представлены в работах В.С. Айрапетова, Ж.А. Зайончковской, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой, Г.С. Витковской, Е.А. Назаровой, Н.П.Космарской и др.

В русле данных концепций стали разрабатываться проблемы толерантности в контексте взаимодействия этнических мигрантов с местным сообществом, которые со временем развились до отдельного раздела исследований в формирующейся специальной теории — социологии миграции. Отдельные социологические взгляды и положения конфликтологии нашли отражение в «миграционных» публикациях В. Авксентьева, Г. Витковской, В. Гельбраса, Дмитриева А.В., В. Дятлова, Ж.Зайончковской, В. Ионцева, В. Мукомеля, С. Олимовой, С. Панарина, Э.Паина, В. Петрова, Д. Полетаева, Т. Юдиной, А. Юнусова, Г. Пядухова, И.Романова и др.

Таким образом, с одной стороны, появление новых кардинально отличных от классических теорий об обществе, с другой — глобализация миграционных процессов, способствуют поиску новых парадигм в изучении миграции.

Однако до сих пор недостаточно разработаны объяснительные схемы, как происходит процесс вовлечения мигранта в местное сообщество. Можно даже поставить вопрос, происходит ли вообще процесс включения/исключения мигрантов в местное сообщество; если это происходит, то каким образом и от чего он зависит.

Что позитивного приносят миграционные процессы и мигранты в стране въезда:

- передвижение больших масс мигрантов создает «давление» на социальную инфраструктуру, что способствует ее росту и развитию;
- замещающая миграция компенсирует сокращение численности населения в целом, и население трудоспособного возраста в частности, а также смягчает последствия общего старения населения;
- миграция сопровождается ростом числа межнациональных браков, что способствует «оздоровлению крови» наций;
- повышение конкуренции на рынке труда способствует улучшению качества труда и повышению навыков и квалификации работника;
- полиэтничность и разнообразие культур способствует, с одной стороны, осознанию индивидом его отличия от других, с другой - способствует обогащению его внутреннего мира;
- миграционные сообщества служат сетевыми сообществами — проводниками, транслирующими свои культурные особенности на других в новых местах проживания.

Что позитивного приносят миграционные процессы и мигранты в странах выхода:

- появление возможности установить сетевые связи с выбывшими соотечественниками (земляками);
- получение денежных и иных средств из страны въезда мигранта для поддержания его семьи, родственников;
- миграционные сообщества служат сетевыми сообществами — проводниками, транслирующими культурные особенности другим своим близким, знакомым и др.

Однако места выхода мигрантов всегда интересовали исследователей меньше всего, хотя зачастую делается оговорка, что мигранты не теряют связь со своими родными, близкими, поддерживая их материально и т. п. К примеру, в «Докладе о развитии человека 2009» в разделе 4.1.1. «Последствия на уровне семьи» говорится: « Финансовая поддержка необходима для улучшения уровня жизни миллионов людей в развивающихся странах. Многие эмпирические исследования подтвердили положительный вклад международных денежных переводов в благосостояние, питание, здоровье и условия жизни в странах происхождения. Этот вклад теперь вполне признан в литературе о миграции и отражен во все более точных данных о международных переводах, публикуемых Всемирным банком и другими источниками ...». [2- С.72] В данном документе приведены конкретные цифры: «Прогнозируется, что в Молдове и Таджикистане, где доли денежных переводов в ВВП самые высокие в мире (45 и 38% соответственно), они упадут в 2009 г. на 10%». [3 — С. 75] Или можно подчеркнуть гендерные различия: «Гендерное измерение — одна из тех характеристик передвижения

населения, которая отражается на потоках денежных переводов. Данные показывают, что женщины обычно отсылают домой большую часть своих доходов и делают это более регулярно, хотя в связи с их низкими заработками абсолютные суммы часто бывают меньше». [4 – С. 74]

Какие наиболее острые (негативные) социальные проблемы, связанные с миграционными процессами и мигрантами, существуют в местах въезда:

- передвижение больших масс мигрантов создает «давление» на социальную инфраструктуру населенных пунктов (городов);
- повышается конкуренция на рынке труда;
- усложняется этно- и культурная «палитра» на уровне взаимоотношений на повседневном уровне;
- миграционное сообщество является благодатной средой для «списывания на него» негатива, начиная от бытового уровня и заканчивая преступностью;
- миграционное сообщество является «кормушкой» для коррупции;
- мигранты или миграционное сообщество с «помощью» СМИ постоянно находятся под негативным «прицелом» общественного мнения, часто обретая этническую окраску.

Какие наиболее острые (негативные) социальные проблемы, связанные с миграционными процессами и мигрантами, существуют в местах выхода:

- сокращение численности населения за счет выбытия мигрантов трудоспособного и детородного возраста;
- старение населения;
- может происходить «территориальное разделение» семьи, родственников;
- за счет выбытия мигрантов той или иной половой принадлежности может возникнуть дисбаланс по признаку пола, что также влияет на брачные показатели, уровень рождаемости;
- выбытие активной части населения может спровоцировать массовый отток последующих поколений и др.

Итак, все вышеперечисленное намного усложняет общую картину последствий миграционных процессов и ограничивает возможности выработки единого подхода к типологизации миграционных процессов, хотя существуют типологизации миграционных процессов, различающиеся по направлениям науки (историческая, социокультурная, правовая и т. д.):

- по какой причине индивиды вовлекаются в миграционные процессы;
- как происходит процесс его вовлечения в них;

- происходит ли процесс включения/исключения мигрантов в местное сообщество;
- если это происходит, то каким образом и от чего зависит и др.

Что может дать применение концепции коммуникативной системы в изучении миграции?

Концепция коммуникативной системы может способствовать:

- разработке единого подхода для построения типологии миграции;
- расширению объяснительных схем факторов миграции, а также ее механизмов саморазвития и самоорганизации;
- может стать научным вкладом в общую социологическую теорию.

Библиографический список

1. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН) - С. 30.
2. Там же – С. 72.
3. Там же – С. 75.
4. Там же - С.74.

Донцова М. В., Петров В. Н.
Фуник Д. А., Краснодар

Толерантность в системе взаимодействий и отношений «этнические мигранты» – «местное население»

Аннотация

В статье рассматриваются методологические основания и проведен обобщенный анализ результатов социологических исследований по проблеме толерантности в системе взаимодействий и отношений «этнические мигранты» – «местное население».

Ключевые слова: этнические мигранты, население принимающего общества, толерантность, теория социального действия, идентичность, стереотипы

Введение

Во взаимодействиях и отношениях «этнические мигранты» – «местное население» соединяются и образуют очень трудный узел, порой, кажется, неразрешимые противоречия: необходимость взаимодействия различных культур и проблемы сохранения этнической самобытности, неизбежность культурной и социально-этнической дивергенции и стремление к этнической безопасности, стремление к поддержанию баланса интересов в межэтнических отношениях и явления этнического доминирования и негативного этноцентризма. В практическом плане эти проблемы влияют на появление и рост межэтнической интолерантности, ксенофобии и этнической мигрантофобии, которые, в свою очередь, вызывают конфликты, зачастую с агрессивными действиями и насилием, что в конечном итоге не способствует стабилизации в обществе, созданию взаимоприемлемого социального порядка.

Преодоление межэтнической напряженности и конфликтов, экстремизма напрямую связано с развитием качества толерантности в отношениях между людьми на разных уровнях социальной организации. Для российского общества толерантность становится условием стабилизации и устойчивости межличностных и межгрупповых социальных отношений, обеспечивая их конструктивность и высокую степень согласия на общесоциальном, региональном и локальном уровнях.

Проблемы межэтнической толерантности в контексте отношений «этнические мигранты – местное население» активно исследуются в отечественной научной литературе Ю.В. Арутюняном, А.Г. Асмоловым, В.И. Гараджой, Л.М. Дробижевой, П.М. Козыревой, З.В. Сикевич, Г.У. Солдатовой, А.А. Сусоколовым, В.В. Шалиным, рядом других отечественных и зарубежных авторов.

Социологическое изучение явления толерантности в контексте межэтнических отношений концентрируется вокруг проблем социальной и этнической идентификации, межэтнических стереотипов, социальных установок, стратегий поведения, а также конфликтных ситуаций между национальными группами.

Методология

В данной статье мы придерживаемся методологического основания, с позиций которого толерантность рассматривается не как константная характеристика личности, а как эмерджентное свойство всей системы социального действия.

Явление межэтнического взаимодействия, а именно это происходит во взаимодействии этнических мигрантов и местного населения, определяется как этноконтактная ситуация. «Сутью этноконтактной ситуации является субъект – субъектное взаимодействие, где целостные субъекты деятельности и познания – этнические группы или их представители выступают с позиции группы»¹. Главным структурирующим принципом этноконтактной ситуации является этническая граница. Этническая граница – это психологический результат универсальной для всего живого на земле тенденции разделять мир на «чужих» и «своих» на основе этнической принадлежности. Это оппозиционная тенденция, а, значит, ее доминирование поляризует любую ситуацию, в том числе, и этноконтактную².

Принципиальным условием исследования социального взаимодействия в этноконтактной ситуации выступает представление о том, что ситуация определяется в процессе ее конструирования действующим лицом, а то, с кем и как этот субъект взаимодействует, отражает субъективное и символическое понимание ситуации. С этой точки зрения исследование структуры субъективной реальности приобретает основополагающее значение для понимания свойств социального действия в ситуации межэтнического взаимодействия.

Ключевым моментом в социологической интерпретации толерантности выступает приемлемость, приятие или, наоборот, неприемлемость, неприятие партнерами по социальному взаимодействию друг друга как личностей с индивидуальными, но социально значимыми комплексами социально-психологических и социальных свойств. Социологическое

¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 19.

² Солдатова Г.У. Там же. М., 1998. С. 21-22.

понимание предполагает признание толерантности — интолерантности как единого поля, как атрибутивного (эмерджентного) свойства социального действия, присущего всем компонентам системы действия, включающей такие подсистемы, как личность (деятель, актор), ситуация действия, сами акты социального действия и взаимодействия¹.

Обобщенный анализ результатов социологических исследований

Как показывает исследование социальных практик взаимодействия этнических мигрантов и населения принимающего общества, объективными условиями конструирования отношений между ними являются социальные и социокультурные характеристики взаимодействующих сторон, степень этнической мозаичности, характеризующая плотность и частоту межэтнических взаимодействий, ментальность и культура толерантности, толерантная готовность к взаимодействию с инакостью, другими, чужими.

Анализ эмпирических материалов наших исследований показывает, что важнейшими факторами, определяющими характер социального взаимодействия этнических мигрантов и населения принимающего общества, являются ценностно-нормативные основания культуры, находящие свое выражение в существовании институционального порядка и социальной организации той или иной этнической общности. Непротиворечивость ценностных оснований культуры, схожесть и взаимоприемлемость институционального устройства взаимодействующих этносов служат неперенным условием, предполагающим проявление свойства толерантности, и, напротив, существенные различия, противоречия в них создают напряженность во взаимодействии, способную перерасти в конфликт.

Определяющее значение для состояния толерантности и возникновения или не возникновения толерантного поведения имеют качество социальной идентичности и характер этнических стереотипов, как структурных компонентов в системе социального действия. В многочисленных исследованиях доказано, что позитивная этническая идентичность явно и четко коррелирует с толерантностью, гиперидентичность — интолерантностью. Однако, заметим, что тип этнической идентичности является лишь точкой отсчета, позволяющей при сравнении с ней выявлять наиболее типичные для толерантности и интолерантности отношения в этноконтактной ситуации.

Толерантными можно считать отношения, в которых участники руководствуются, прежде всего, их целесообразностью для каждой из сторон. Межэтнические отношения, основанные на стереотипном представлении о той или иной национальной группе в целом, указывают на интолерантный характер этих отношений. Серьезным ситуационным фак-

¹ Петров В.Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, 2004. С. 146.

тором, определяющим ход межэтнического контакта, также является личный опыт общения с представителями тех иноэтнических групп, которые участвуют в данной ситуации взаимодействия. Наличие у одной или обеих сторон отрицательного опыта, вероятнее всего, направит эти отношения в сторону интолерантности (при контакте, скорее всего, будут проявляться напряженность, дискомфорт, наметится стремление уйти от общения). Отсутствие такового опыта, наоборот, будет указывать на толерантность. Согласно полученным данным, именно для респондентов, не имеющих отрицательного опыта контакта с иноэтническими группами, общение с представителями других национальностей приятно, а их этническая принадлежность не имеет особого значения.

Следует также обратить внимание на особенности реакций акторов на негативную этноконтактную ситуацию. Результаты исследований говорят о том, что интолерантной в большей степени является активная реакция («ответ ударом на удар») с преобладанием таких ощущений, как враждебность, злоба, презрение. Толерантным атрибутом является попытка ухода от конфликта. Агрессия в случае конфликтной этноконтактной ситуации возможна как в случае интолерантности, так и в случае толерантности. Однако толерантность допускает агрессию в отношении представителя (ей) другой национальной группы только в случае угрозы жизни для близких. В других случаях агрессивные действия могут иметь место, но от национальной принадлежности сторон это не будет зависеть. Интолерантность, наоборот, допускает агрессию именно в отношении лиц той или иной национальности в любых ситуациях, включая, помимо существенных факторов (угроза жизни, оскорбительное поведение другой стороны), плохое настроение, неудачное стечение обстоятельств.

В целом обнаруживается более высокая степень толерантной готовности в случаях позитивной идентичности, и, напротив, гиперидентичность или маргинальная, негативная идентичность создают предпосылки интолерантности. В то же время зачастую интолерантность как свойство межэтнических взаимодействий и социальных отношений не содержит высокого потенциала агрессивности и продуцируется, прежде всего, трудностями и проблемами, возникающими в процессе узнавания и определения новых ситуаций взаимодействия.

Формированию толерантных отношений в наибольшей степени способствуют такие личностные факторы как позитивная этническая идентичность, высокая положительная комплиментарность, ощущение принадлежности к «глобальным» социальным группам («все люди», «хорошие, добрые люди»), ценностные ориентации, такие как жизнь, образованность, ответственность. На толерантность также указывает стремление к самореализации, признанию, порядку. Система гетеростереотипов, которыми руководствуются стороны в случае отношений толерантности, включает в большей степени положительные и сдержанные представления об иноэтнических группах. Автостереотипы апеллируют к уважению власти, миролюбию, общительности.

Интолерантным отношениям способствуют гиперидентичность, выбор в качестве референтной группы «людей моей национальности», мнение о своей нации как «самой лучшей и уникальной», противопоставление себя людям другой национальности. Мотивация действия основана в данном случае на более приземленных потребностях, таких как потребность в безопасности, социально-экономическом благополучии. В случае интолерантных отношений автостереотипы выражены в более критичной форме, включая в себя не только положительные, но и отрицательные качества. Система гетеростереотипов включает в большинстве случаев негативные оценки.

Заключение

Итак, межэтническая толерантность является одним из свойств, имеющих ключевой смысл в объяснении содержания, характера и направленности социальных взаимодействий в этноконтактной ситуации. Состояние толерантности, культура толерантного восприятия и понимания людей друг другом располагаются в исторической плоскости общественного развития, имеют явно выраженные черты и характеристики, обусловленные национальными и социокультурными особенностями социальных групп, подвержены очень сильному идеологическому влиянию. Толерантность существует в общественном сознании как определенная ценность, но ее мера и способ выражения могут быть довольно различными. Следует признать, что в межэтнических отношениях интолерантность также возможна и ожидается, как и сама толерантность. Безусловно, при этом речь идет о цивилизованных, ненасильственных, неагрессивных формах и способах проявления и демонстрации интолерантности (несогласия, нетерпимости, неприятия), как, впрочем, и о сдержанности в проявлениях толерантности, не превращающейся в угодничество, лизоблюдство, рабское преклонение и подчинение.

В ситуациях межэтнического взаимодействия «этнические мигранты» - «население принимающего общества» происходит соотнесение мигрантами объективной и субъективной реальности как сравнение своих интернализированных оснований культуры с другими (иными, чужими). Восприятие ситуации идет через ее узнавание и определение, то есть. поиск того, в чем, в какой степени эти основания соответствуют и могут быть совмещены, а в чем и в какой степени они различаются, преодолимы ли эти различия или непреодолимы, воспринимаются как противоречия и могут породить конфликт или могут соотноситься толерантно, не затрагивая возможностей удовлетворения потребностей, сосуществовать друг с другом.

Кроме того, для мигрантов очень важно определить, в какой степени сохранение прежних основ позволяет удовлетворять потребности, есть ли возможность их воспроизводства и как обеспечить условия поддержания этого воспроизводства. Осознание необходимости изменений в этих основах ставит перед вопросом, до какого предела возможны изменения в идентичности и поведении, в чем это конкретно может выражаться.

Успех или поражение в ситуациях действий по удовлетворению потребностей ведут к накоплению опыта идентичностей, накоплению качества толерантности – интолерантности. При этом интолерантное качество может быть результатом успехов, предубеждений, оформленных в стереотипы, или актуальным, ситуативным качеством, возникающим спонтанно, как реакция на непредвиденный, спонтанный ход событий, не в соответствии с нашим сценарием, проектом действия. То есть, оно может быть либо преднамеренным, рационализированным до начала ситуационного события, либо возникающим в ходе его. Оно может быть сугубо рациональным (так нужно, выгодно, полезно), ценностно-рациональным (это долг или убеждения), традиционным (так нужно, от этого никуда не уйти) или аффективным, спровоцированным эмоциональными ощущениями, иррациональными необъяснимыми переживаниями типа фрустрации.

Возможные изменения в «количественной массе» и качестве толерантности/интолерантности не станут социально эффективными, если они направлены только на изменение индивидуальных поведенческих характеристик в результате психологического тренинга. Для получения такого эффекта необходим комплекс широкомасштабных, долговременных и функциональных мер, связанных с социокультурными и институциональными изменениями. Это также возможные изменения на уровне ментальных состояний этноса. Коррекционные действия (практика корректирования ситуации) в этом случае перемещаются с уровня индивидуальной личности и взаимодействия в микрогруппах (тренинг толерантности) на уровень межгруппового взаимодействия и макросреды и сосредотачиваются на установлении баланса толерантности и интолерантности во взаимоотношениях, социальных институтах, социальных общностях и группах.

Жаде З. А., Майкоп

Особенности миграционных процессов в Республике Адыгея¹

Аннотация

В статье рассматриваются причины и условия формирования этногруппы курдов на территории Республики Адыгея. Особое внимание автор уделяет проблемам социокультурной адаптации в принимающей среде и интеграции этногруппы в полиэтничное пространство Адыгеи. Определяется роль диаспоры и общественных организаций в адаптации курдов. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что решение «курдской проблемы» зависит от степени оптимальности сочетания объективных и субъективных факторов.

Ключевые слова: Республика Адыгея, миграция, миграционные процессы, социокультурная адаптация, полиэтничный регион, курдская этногруппа, идентичность курдов, толерантность, межэтническая напряженность

Постановка исследовательской задачи

Составной частью радикальных перемен, происходящих в Российской Федерации в последние годы, стало формирование совершенно новой миграционной ситуации, особенности которой обусловлены политическими и социально-экономическими процессами. С одной стороны, миграция населения является одной из важнейших проблем современного мирового развития и ее следует рассматривать как сложный процесс, затрагивающий различные аспекты социально-экономической, общественно-политической, этнонациональной, нравственно-психологической, религиозно-духовной жизни целых стран и народов. С другой стороны, миграция, включая ее законодательное регулирование, относится к разряду комплексных общенациональных проблем, требующих учета всей суммы факторов, влияющих на современную ситуацию.

Главная особенность миграций состоит в том, что они существенно расширяют этнокультурную мозаику и, вместе с тем, обостряя противоречия между различными группами населения, вызывают социальные

¹ На примере курдов. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-06-00131.

напряжения. Поэтому актуальной задачей государства становится поиск новых форм отношений с прибывающим, особенно иноэтничным, населением для того, чтобы адаптировать его к местным нормам повседневного поведения и ориентировать принимающее население на толерантное взаимодействие с мигрантами.

Особую актуальность эта проблема приобретает для ряда регионов России, занимающих особое геополитическое положение, имеющих внутрирегиональные различия в типах воспроизводства, этнического состава населения и т. п. В число таких регионов входит Северный Кавказ, выделяющийся на всех этапах развития интенсивными миграционными процессами.

Одной из слагаемых такой ситуации является концентрация мигрантов в достаточно густонаселенных регионах с благоприятными природно-климатическими условиями, к которым относится Республика Адыгея. Динамика миграционных процессов здесь не отличается, по основным своим параметрам, от общероссийской ситуации. Относительно подробно проблемы современной миграционной ситуации в регионе уже нами рассматривались [1, с. 50-72], каких-то принципиальных изменений здесь не произошло. Тем не менее, выделим те факторы, которые представляются важными в свете происходящих перемен.

Прежде всего, представляется несомненным, что миграционные процессы в Республике Адыгея приобретают в последнее время все больший резонанс в связи с наличием на ее территории курдов, их быстрым численным ростом и конфликтогенными ситуациями, возникающими как на бытовой, так и на социально-политической и экономической основах.

В связи с этим возникает множество проблем, связанных, с одной стороны, с осмыслением социокультурной адаптации этногруппы, сформированной из курдов-мигрантов, покинувших территории бывшего СССР (Армения, Азербайджан, Казахстан и др.), и, с другой стороны, с поиском социально-правовых и социокультурных механизмов, обеспечивающих административно-территориальную, демографическую и социокультурную стабильность региона.

В таком полиэтничном регионе, как Адыгея, жизнь любого человека насыщена ситуациями общения с представителями других народов, поэтому социокультурная адаптация мигрантов – не второстепенная проблема, она касается совокупности внешних поведенческих следствий связи адаптантов с новым этнокультурным окружением, включая их способность решать повседневные проблемы.

В Республике Адыгея живут представители 108 этносов, причем не менее десяти из них образуют этнические группы. Численность населения Адыгеи, по данным переписи 2010 года, составляет 440,3 тысячи человек. Основное население – русские (52 %) и адыгейцы (24,2%), к числу других народов, населяющих республику, относятся армяне, белорусы, украинцы, немцы, греки и другие.

К немногочисленным этногруппам относятся курды, которые компактно проживают в Красногвардейском районе, где поселились в 90-х годах прошлого века беженцы из зоны Карабахского конфликта

и переселенцы из других регионов Закавказья и Средней Азии. С тех пор на разных уровнях обсуждается так называемая «курдская проблема». Следует обратить внимание на то, что исследование курдской диаспоры в Республике Адыгея осложняется особым положением этногруппы, которую, по мнению исследователей, по своему социальному и юридическому статусу нельзя назвать ни мигрантами, ни беженцами, ни вынужденными переселенцами.

Если детальнее развивать данный тезис, то, в первую очередь, необходимо подчеркнуть, что по своему этимологическому содержанию термины «мигранты» и «вынужденные переселенцы» близки между собой, означая лиц, которые сменили, временно или навсегда, место своего жительства, тогда как беженец – это иностранец, прибывший в другую страну. Они отличаются друг от друга определенными общепризнанными критериями, требующими учета при составлении соответствующих программ и их реализации, как в России, так и в регионах. Из всех категорий мигрирующего населения в центре этого движения находятся, прежде всего, беженцы, вынужденные переселенцы, репатрианты и эмигранты, которые все чаще становятся объектом обсуждения в государственных, общественно-политических структурах и в научных кругах.

Исходя из такого понимания, прежде всего, обратимся к причинам и условиям появления курдов в Адыгее. Расселение курдского этноса свидетельствует о давних истоках его широкого территориального распространения. До недавнего времени размеры миграции были невелики, но международная ситуация в Средней Азии и Закавказье вызвала новый всплеск переселения курдов. В 80-90-х годах XX века курды приезжали в Россию в основном на работу и мало кто, задумываясь о переезде на постоянное место жительства. Поток курдов в Россию на заработки продолжался примерно до середины 90-х годов. Люди надеялись, что политическая обстановка на постсоветском пространстве стабилизируется и они вернуться в родные места. После того, как курды, убедились в нецелесообразности возврата на прежние места своего жительства, они стали оседать в разных регионах Российской Федерации. Для аргументированного ответа на вопрос о причинах переселения курдов в Адыгею, данных недостаточно, но сами курды указывают на наличие здесь хороших условий для занятия сельским хозяйством.

Следует подчеркнуть, что расселение курдов в Красногвардейском районе республики сопровождалось некоторыми нарушениями законности. Зачастую наиболее обеспеченные курды использовали подкуп должностных лиц района, в том числе и из правоохранительных органов, для легализации своего пребывания в России. В то же время, малообеспеченные курды, имеющие гораздо более существенные основания найти приют, до сих пор не могут легализовать свое пребывание в России. Курды быстро скупили дома в трех сельских округах района. Наметилась тенденция замещения курдами коренного населения. Они существенно потеснили жителей этих сел в животноводстве и других экономических сферах. При этом порой шли на нарушение нормативно-правовых актов, регламентирующих хозяйственную деятельность.

Высокая рождаемость в курдских семьях быстро привела к тому, что большинство школьников младших классов, например, в селе Белом скоро состояло уже из детей курдской национальности. Учителя стали жаловаться на то, что они не могут преподавать, поскольку курдские дети не знают русского языка, а родители русских школьников, оказавшихся в иноязычном меньшинстве, выражали озабоченность качеством образования своих детей. В селах стали возникать конфликты. Молодежные русско-курдские конфликты выливались в драки.

Обострение ситуации привело к тому, что в 2001 г. была образована рабочая группа Правительства Адыгеи по разработке мероприятий по обеспечению стабильности и правопорядка в местах компактного расселения мигрантов курдской национальности. От силовых структур и ведомств, в своей деятельности так или иначе связанных с проблемами миграции, были собраны предложения по разрешению ситуации, сложившейся в республике в связи с неконтролируемым притоком курдов. В результате, был разработан и утвержден План мероприятий по обеспечению стабильности и правопорядка в местах компактного проживания курдов.

Эксперты отметили, что при сохранении существующих темпов миграционного и естественного прироста курдского населения в Красногвардейском районе, в ближайшие десятилетия может обозначиться проблема их административно-территориального оформления в республике. Некоторые из них указывали также на то, что после принятия «Плана мероприятий по культурно-психологической адаптации курдов, проживающих в Республике Адыгея» руководство общественной организации курдов «Агры» стало предпринимать активные попытки по переводу культурно-психологической адаптации в плоскость социально-экономической. Ими были сделаны предложения по возложению на их организацию контрольных функций за куплей-продажей недвижимости, регистрацией курдских мигрантов. В конечном счете, «мероприятия» завершились сменой руководства милиции района и участковых, отвечающих за общественный порядок в селах.

Не развивая эту тему, отметим, что в настоящее время курдская проблема своего окончательного решения не нашла. Поскольку курды составляют новый этнокультурный и демографический компонент Адыгеи, их информационное поле остается практически неизвестным. Отсутствуют достоверные статистические данные (общая численность группы, гендерный состав, способ получения российского гражданства, наличие или отсутствие образования, наличие или отсутствие жилья, основные виды деятельности и т. п.).

Учеными установлено, что при переселении группы людей на новое место и они сами, и их потомки сохраняют в основном именно наиболее важные отличительные (этнические) свойства. Их совокупность и выражает, по мнению Ю.В. Бромлея, неотъемлемую сущность данного народа. В этой связи важно подчеркнуть, что этногруппа курдов Адыгеи неоднородна, она распадается на пять-шесть кланов, ведущий весьма замкнутый образ жизни. Современная характеристика данных субгрупп, докумен-

тальное подтверждение их существования этнографическими или фольклорными данными, исследование механизмов трансляции субкультурных отличий, доказательство существований этих отличий в глобализируемом мире, выявление социокультурных потребностей группы в целом и ее подгрупп и возможностей для их реализации полностью отсутствуют. В общественном мнении складывается мифологический портрет курдов как нарушителей норм правовой и социальной организации полиэтничного общества Адыгеи. Закрытый образ этногруппы усилен плохим владением русского языка (особенно письменного) большей ее частью. Курды с их особенной культурой, поведением, традициями быта и общежития нелегко уживаются с местным населением.

С целью сохранения своей идентичности курды объединились в диаспоры и создали общественные организации, в своем большинстве сформированные при непосредственном участии курдских партий, которые возлагают на себя вопросы финансового обеспечения проводимых организациями мероприятий. Так, в Адыгее в 1996 году создана общественная организация курдов «Агры», которая за годы своего существования проделала огромную работа для создания условий, способствующих оптимальной адаптации курдов, прибывших в республику. При тесном сотрудничестве с органами государственной власти и местного самоуправления, а также с общественностью решаются важные социально-культурные проблемы курдского населения республики. В уставе организации отмечается, что «Агры» является добровольной, независимой общественной организацией, созданной на основе добровольности, равноправия ее членов, самоуправления, законности и гласности, для защиты прав и интересов представителей курдской национальности.

В контексте рассматриваемой проблемы интерес представляют результаты исследования «Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Адыгея глазами лидеров и активистов общественных организаций», проведенного в 2010 году отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. В ходе опроса, лидер курдской организации не назвал ни одной межэтнической проблемы, ограничившись только общими словами: «здесь много интересов, которые сталкиваются. Ведь мы живем на Северном Кавказе, а здесь одна из горячих точек в России» [2, с. 15]. По поводу миграционной ситуации лидер отметил, что выступает против дальнейшей миграции курдов в республику: «Республика перенаселена – сюда больше приезжать не надо. Это мы говорим своим» [2, с. 18].

Между тем, общая численность курдов, живущих в Адыгее, не поддается точному определению. В 2010 г. перепись насчитала 4528 человек курдской национальности (1,1% населения республики), в то время как в 2002 г. – 3631 человек (прирост на 25%). Для сведения отметим также, что в России количество лиц, назвавшихся в ходе последней переписи по национальности курдами, составило 23322 человека (0,02% населения России).

Как известно, курды поселились и в Краснодарском крае, где в Южном региональном ресурсном центре в процессе реализации проекта «Правовая помощь мигрантам Краснодарского края» под руководством

М.В. Саввы проводилось исследование по современному положению курдов в крае, их культуре и обрядам. Осмысливая проблемы на пути интеграции курдов в кубанское общество, ученые отмечают существенные социокультурные изменения в среде курдов [3, с. 37].

Что касается Адыгеи, по результатам социологического исследования, посвященного проблемам адаптации курдского народа в республике, реализованного в 2011 году под руководством профессора Адыгейского государственного университета А.Н. Соколовой с участием автора настоящего материала, фиксируется конструктивный характер отношений курдов со своими непосредственными соседями. В то же время, вне сферы личного общения представители этой диаспоры часто оказываются в ситуации недоброжелательного общения в силу доминирующей в местном сообществе установок. Данная установка возникла главным образом в результате социальной конкуренции в условиях закрытости для общения представителей курдской группы, а также акцентирования культурных различий со стороны средств массовой информации и органов власти, особенно в начальный период пребывания этой диаспоры в Адыгее.

Анализ показывает, что успех решения «курдской проблемы» зависит от степени оптимальности сочетания многих объективных и субъективных факторов. Среди всей совокупности социальных условий, определяющих успешность решения проблемы адаптации и интеграции мигрантов в новых местах их проживания, важным является создание обстановки для нормальных взаимоотношений мигрантов с местным населением.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что предпринятый нами короткий экскурс не отражает полной картины причин и условий формирования курдской этногруппы в Адыгее. Вместе с тем, полагаем, что высказанные соображения могут оказаться полезными для определения перспектив и оптимальных путей интеграции курдов в полиэтничное общество Адыгеи. Представляется, что прорыв в изучении всего комплекса проблем, касающихся курдской этногруппы, возможен только при совместных усилиях всех заинтересованных в этом специалистов и фокусировкой их интересов на ключевых, концептуально значимых вопросах.

Библиографический список

1. Жаде З.А. Миграционно-демографические процессы в Северо-Кавказском регионе // Миграционные процессы и проблемы адаптации / Отв. ред. В.В. Константинов. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009.
2. Ханаху Р.Р., Цветков О.М. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Адыгея глазами лидеров и активистов общественных организаций. Майкоп: АРИГИ, 2010.
3. Савва М.В. Курды в Краснодарском крае. Сборник информационно-методических материалов. Краснодар: ЮРРЦ, 2007.

Занина М. Г., Тольятти

Социальная дистанцированность жителей г.о. Тольятти к приезжим иммигрантам

Аннотация

В данной статье представлены итоги проведенного социологического исследования в г.о. Тольятти по выявлению социальной дистанцированности жителей города к приезжим иммигрантам, определяющиеся теми или иными характеристиками.

Ключевые слова: социальная дистанцированность, открытость, толерантность, национальная обособленность, национальная изолированность, скрытая форма ксенофобии, ксенофобия, иммигрант

Наша страна, в силу своей истории и развития является многонациональным и многокультурным государством. Наше молодое поколение, как поколение людей, живущих в условиях глобализации и постоянной межчеловеческой интеграции, не может не заметить, что данный феномен накладывает на себя заметный отпечаток на общение между людьми. Поэтому любому человеку, особенно проживающему на территории Российской Федерации, важно уметь выстраивать отношения с окружающими его людьми, особенно с представителями других национальностей и других культур. Примером многонационального города, который появился путем целенаправленной деятельности людей и, соответственно, изначально объединил в себе много людей различных национальностей и культур, является городской округ Тольятти.

Темой данной статьи выступает изучение толерантного отношения городского населения к иммигрантам, приезжающим к ним по тем или иным основаниям. Поэтому достаточно важно изучить именно население г.о. Тольятти с точки зрения национальной толерантности для глубокого понимания самими горожанами сплоченности всех тольяттинцев и плодотворного и прогрессивного развития нашего города.

Социологическое исследование, определяющее уровень социальной дистанции к мигрантам, было проведено в г.о. Тольятти в начале 2012 года. Исследование основывалось на данных, полученных при помощи применения методики шкалы социальной дистанции Богардуса. Выборка составила 518 человек, включающих разделение на мужчин и женщин в равных долях, проживающих в автозаводском, комсомольском и центральном районах.

Респонденты подразделялись на 4 возрастные категории 18-30, 31-40, 41-50, 51-60 лет, имеющие среднее (9-11 классов), среднее профессиональное (колледж, техникум, училище), неоконченное высшее и высшее образование. Высшее образование имеют 30% респондентов, неоконченное высшее 29%, среднее профессиональное 28% и среднее образование у 13% ответивших. Коренными жителями города Тольятти являются 55% опрошенных, не коренными 45%. Родились в этом городе 52% тольяттинцев, а к приезжим относят себя 48% принявших участие в проведении исследования.

Обращая внимание на материальное положение респондентов, 54% указали на средний достаток в семье, то есть иногда испытывают материальные затруднения. По 19% отнесли себя к семьям с достатком выше среднего (чаще всего не имеем материальных затруднений) и ниже среднего (приходится во многом себе отказывать). Отличное материальное положение у 4% респондентов, они практически ни в чем себе не отказывают. И столько же, 4% ответивших, расценивают свое материальное положение как очень трудное (едва сводим концы с концами).

Немаловажным является и национальный состав респондентов. Превалирующим большинством от общего количества ответивших на вопросы анкеты стали *русские* – 75%. 6% опрошенных причислили себя к *татарской национальности*. Представителями *украинской и мордовской национальностей* оказались по 3% респондентов. Чуть более 2% респондентов указали на *чувашскую национальность*. Аналогичное количество респондентов – *армяне*. *Белорусы* и *узбеки* также набрали около 2% каждые. А такие национальности как *курды, башкиры, евреи, немцы, японцы, молдаване, поляки, грузины, метисы, азербайджанцы и дагестанцы* были опрошены в количестве менее 1% представителей от каждой национальности в общем числе принявших участие в проведенном социологическом исследовании.

В данной статье нами будет освящен аспект отношения тольяттинцев к иммигрантам, находящимся в их стране и конкретизируемые по тем или иным характеристикам. Далее представлен перечень выявленных характеристик в виде вопроса в анкете (см. таблицу 1).

Таблица 1

Иммигрантов...	Члена семьи	Близкого друга	Соседа по дому	Коллеги по работе	Жителей моей страны	Туристов	Не допускал бы
Я бы согласился допустить в качестве...							
Не говорящих, плохо говорящих на русском языке	1	2	3	4	5	6	7
Не православной веры	1	2	3	4	5	6	7

Продолжение таблицы 1

Иммигрантов...	Члена семьи	Близкого друга	Соседа по дому	Коллеги по работе	Жителей моей страны	Туристов	Не допускать бы
Живущих в соответствии со своими традициями	1	2	3	4	5	6	7
Имеющих свой бизнес	1	2	3	4	5	6	7
Специалистов	1	2	3	4	5	6	7
Рабочих низкой квалификации	1	2	3	4	5	6	7
Имеющих родственников в нашем доме	1	2	3	4	5	6	7
Имеющих жилье в нашем доме	1	2	3	4	5	6	7
Беженцев	1	2	3	4	5	6	7

Используя литературу, отвечающую тематике данного исследования, мы воспользовались методикой расчета и перевода индексов и значений ИНД (Индекс национальной дистанцированности), приведенных в работе Паниной Н.В. и Головаха Е.И. «Национальная толерантность и идентичность...»¹.

В зависимости от значения того или иного индекса для каждого из позиций вариантов ответов в анкете можно будет судить насколько близко человек может допустить до себя представителя других наций и культур. 1- Самая маленькая дистанция между респондентом и иммигрантом и, соответственно, 7 – самая большая дистанция. Каждому из значений индекса соответствуют такие феномены как: открытость (толерантность), национальная обособленность, национальная изолированность (скрытая форма ксенофобии), а также ксенофобия. Данная классификация различных уровней социальной дистанцированности между представителями различных национальностей поможет нам определить отношение к иммигрантам жителей г. о. Тольятти по критериям, представленным в Таблице 1.

Получив эмпирические данные в данном социологическом исследовании, нами были сделаны следующие выводы. На предложение респондентам ответить на вопрос «Иммигрантов в качестве кого они бы согласились допустить?» - наименьшие индексы в размере (3,75) и (3,92) из совокупности ответов всех респондентов были получены на варианты ответа «иммигрантов – специалистов» и «иммигрантов, имеющих свой бизнес». Наибольший индекс (5,39) был заявлен респондентами на вариант

¹ Панина Н., Головаха Е. Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании // Социологический журнал. – 2006. - №3-4. – С.102.

ответа «иммигрантов, являющихся беженцами». Также индексы, превышающие показатель в 5 баллов, были получены в позициях «иммигранты не говорящие или плохо говорящие на русском языке» (5,26), а также «иммигранты, имеющие низкую рабочую квалификацию» (5,022). Используя терминологию, предложенную Н.В. Паниной и Головахом Е.И., в некоторых случаях мы можем говорить об открытости (толерантности) местного населения, но одновременно мы констатируем национальную изолированность. Иначе говоря, тольяттинцы избирательны при установлении контакта с представителями других национальных культур. Все зависит от того, могут ли быть каким-либо образом полезны представители других национальностей для местных жителей и города в целом. Это достаточно прагматичный и твердый взгляд на данную ситуацию. Это можно объяснить с точки зрения того, что люди опасаются чего-то нового и неизвестного — действует инстинкт самосохранения. А представители бизнеса и научной деятельности также заинтересованы в стабильности взаимоотношений и скорее всего не будут провоцировать каких-либо массовых конфликтов. Чего мы не можем сказать, с полной уверенностью, об иммигрантах-беженцах или же о плохо говорящих на русском языке. Данные представители других культур не всегда могут жить рядом с тольяттинцами, в частности, без некоторых проблем. Скорее всего, это и является решающим фактором в проявлении изолированности общения от представителей данных социальных групп. Изучив отношение к категориям иммигрантов не православной веры, иммигрантов, живущих в соответствии со своими традициями, имеющих родственников, проживающих в данном городе или же имеющих жилье в данном городе, мы можем сделать следующее заключение. Всем этим позициям присвоен индекс, варьирующий от (4,58) до (4,06), что говорит о национальной обособленности. Данное явление характеризуется умеренным уровнем неприятия иммигрантов, проживающих на территории нашей страны, при котором, в данном случае, жители города Тольятти были бы согласны, если бы иммигранты с вышеперечисленными характеристиками проживали на территории городского округа Тольятти, но не вступали бы с ними в непосредственное общение. На наш взгляд, данная позиция отражает настроения большинства россиян в стране. Так многие, в общем, не против не коренных россиян, но предпочитали бы, чтобы они строили свою жизнь в России без их участия. Так, доктор социологических наук, Святослав Иванович Григорьев в своей статье «Социальное положение и роль русских в России в оценке экспертов» со ссылкой на современную либеральную политическую элиту России заявляет: «...к началу XXI века стало вполне ясно: российской нации как государственно-гражданского сообщества населения не получилось. Никто из русских, проживающих в современной России, не включает в одну нацию с собой представителей других национальностей, живущих в стране, а те также не относят себя к русским, как и русских к своему национальному сообществу. Никто из них не ставит знак равенства между понятиями

«русская нация» и «россияне»...»¹. С другой стороны, Солодова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, в своей статье «Интеграция мигрантов-мусульман в российское общество» указывает на то, что «...почти три четверти мигрантов-мусульман хотели бы стать ближе с местными жителями, соседями...»; «...Исследование выявило бесспорное преобладание позитивной установки на расширение межкультурных взаимодействий (85%)...». В последнем случае речь шла о выявлении установок мигрантов-мусульман по отношению к дружбе и браку своих детей с людьми других национальностей². Подытоживая вышесказанное, мы можем говорить о различных установках россиян на установление контактов между людьми разных национальностей.

С точки зрения распределений ответов в каждой из возрастных категорий картина аналогичная. Единственно для представителей возрастной категории 41-50 лет наиболее важным при возможном выборе национальной изолированности является позиция «не согласился бы допустить иммигрантов не говорящих или плохо говорящих на русском языке» - индекс составляет (5,45). Возможно, люди более взрослого поколения руководствуются при выборе данного варианта ответа тем, что иммигранты, плохо знающие русский язык, будут испытывать трудности при проживании на территории города Тольятти, а для тольяттинцев важно, чтобы приезжие смогли свободно перемещаться по городу, не тревожа горожан. Разделение респондентов по полу также не выявило разногласий в определении приоритетных качеств, которыми должен или не должен обладать гость страны, или житель России, а в частности и потенциальный тольяттинец, который не причисляет себя к русской национальности.

Далее мы обратимся к рассмотрению выявленного отношения к иммигрантам категорий респондентов, выделенных по материальному признаку. Здесь также людьми с различными уровнями доходов наиболее приветствуются иммигранты, имеющими научный потенциал и обладающими теми или иными специализированными знаниями. Наибольшую дистанцированность в установлении социальных контактов с иммигрантами выражают горожане с уровнем дохода ниже среднего при выборе той категории иммигрантов, которые относятся к плохо говорящим по-русски. Такого же мнения придерживаются и тольяттинцы, родившиеся в Тольятти и те, кто сам приехал когда-то в этот город.

Подводя итог проведенному исследованию по поводу отношения жителей городского округа Тольятти к иммигрантам, мы можем сделать следующие выводы. Жители нашего города, независимо от пола, возраста, материального положения и других характеристик при выборе своей позиции по отношению к иммигрантам, характеризующимся по различным критериям, исходят, прежде всего, из представлений о благополучии и процветании своего города. Это видно из тех показателей, что наиболее

¹ Григорьев С. И. Социальное положение и роль русских в России в оценке экспертов. // Социологические исследования. – 2011. - №11. – С. 48.

² Солодова Г. С. Интеграция мигрантов-мусульман в российское общество. // Социологические исследования. – 2011. - №4. – С. 44.

радушно и открыто тольяттинцами приветствуются люди с научным потенциалом и обладанием той или иной квалифицированной специальностью. А вот люди, которых мы можем отнести к маргинальным слоям нашего общества они, по представлениям горожан, представляют для них потенциальную опасность и, видимо, в связи с этим люди с опаской относятся к данным категориям иммигрантов. Это, например, беженцы, или люди с трудом ориентирующиеся на нашей территории, то есть не владеющие и плохо владеющие русским языком. Так как они сами не твердо определились в своем образе жизни на территории Тольятти они и не вызывают твердой уверенности в них у соседствующих с ними горожан. Также достаточно длинную дистанцию между собой и иммигрантами наши жители оставляют с «не русскими» рабочими низкой квалификации. Возможно, это объясняется тем, что обладая низкой профессиональной квалификацией такие работники и работу свою выполняют некачественно, не вызывая доверия. Так или иначе, у каждого человека есть право выбора. Он живет, так как ему комфортно и привычно. Но, в тоже время, современное информационное глобализирующееся общество не может нам позволить полностью отбросить правила сосуществования с другими окружающими нас людьми. Поэтому, на наш взгляд, человек должен находить в себе силы жить цивилизованно и уметь быстро адаптироваться к меняющимся условиям. Особенно когда от его действий зависит его жизнь, жизнь близких и окружающих его людей.

Библиографический список

1. Григорьев, С. Социальное положение и роль русских в России в оценке экспертов. // Социологические исследования. – 2011. – №11. – С. 48-54.
2. Панина Н., Головаха Е. Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании // Социологический журнал. – 2006. - №3-4. – С. 102-126.
3. Солодова, Г. Интеграция мигрантов-мусульман в российское сообщество. // Социологические исследования. – 2011. - №4. – С. 44-49.

Минеева С. И. Екатеринбург

О миграционной политике в России

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы при разработке миграционной политики России, причины неизбежности приглашения мигрантов в нашу страну и необходимость воспитания у населения толерантности к иностранцам.

Ключевые слова: миграция населения, демографическая политика, миграционная политика, толерантность

Хорошо известно, что миграция играет положительную роль в истории человечества: это и создание целых государств, освоение новых территорий, возможность получения образования и т. п. В России в течение 20 века миграционная мобильность постоянно росла. Правда, это была преимущественно внутренняя миграция, значительное снижение которой фиксируется в последних переписях 2002 и 2010 гг (при всей неточности существующего статистического учета), поскольку в условиях экономической депрессии массовые переезды становятся практически невозможными.

Известный российский демограф директор Института Демографии ГУ-ВШЭ Анатолий Вишневский считает, что миграция будет нарастать в России весь 21 век, во-первых, для снижения убыли населения. После развала Советского Союза естественная убыль в России составила почти 12 млн. человек, 5,7 млн. из которых было компенсировано миграцией русскоязычного населения из бывших советских республик. По данным же ФМС РФ, в 2010 году в Россию въехало 5 млн. трудовых мигрантов, в основном с Украины (1,5 млн), из Узбекистана (1,2 млн.), Таджикистана (800 тыс.) и Киргизии (382 тыс.). На Москву и область приходится 35% миграционного потока. Всемирный банк оценивал ежегодную трудовую миграцию в России в 12,5 млн человек. Квота на иностранных работников в России в 2010 году была установлена на уровне 1,94 млн человек, в 2011-м — 1,74 млн. На 2012 год премьер Владимир Путин утвердил квоту в 1,745 млн человек, почти четверть ее составляют неквалифицированные рабочие[1].

Сейчас, по данным ФМС, в России находится 9,2 млн иностранцев, из них около 4 млн человек встали на миграционный учет, но работают нелегально. Мы видим, что статистические данные по мигрантам

сильно разнятся. Принимать же правильные управленческие решения в условиях неопределенности чрезвычайно сложно. Так, А.Вишневский считает, что только иммиграция в Россию в размере 500-700 тыс. человек в год позволит компенсировать естественную убыль населения. Если же этого не произойдет, то к 2050 году в России будет жить около 100 млн. Согласно же итоговому докладу «Стратегии-2020», в Россию каждый год необходимо завозить около 250-300 тысяч мигрантов, т.к без них число работоспособного населения в России к 2020 году сократится на 10 миллионов человек. Разница в количестве необходимых нам мигрантов - громадная. Здесь необходимы серьезные расчеты не только демографов и социологов, но и специалистов других профилей.

Во-вторых, из-за громадной и редконаселенной территории нашей страны, нет людей, которые бы хотели и могли более плотно заселить Сибирь: сегодня на 25% территории России (европейская часть страны) живет 80% населения, на 4% Центрального федерального округа живет 25% населения страны[2].

В-третьих, уже начался спад населения в трудоспособном возрасте. Традиционная экономика не может расти при постоянной убыли трудовых ресурсов. К сожалению, Правительство упустило реально существовавшую возможность активно использовать быстрорастущее в течение нескольких предыдущих лет трудоспособное население (видимо цены на нефть росли быстрее), а сейчас оно будет стремительно сокращаться.

В этих условиях иммиграция поможет осуществить структурную адаптацию в России.

Кроме того, труд иммигрантов более дешевый, что выгодно принимающей стране, имеющей достаточно много мест для неквалифицированных работников, которые для российских граждан не престижны. Эту нишу могут и должны занять иммигранты при грамотной миграционной политике.

Не смотря на весомые аргументы ряда специалистов, мнения управленцев по поводу миграционной политики России разделились. Одни делают главный акцент на приглашении мигрантов для спасения России, т. к. иные теоретически возможные пути улучшения демографической ситуации, такие как: интенсификация производства, увеличение возраста выхода на пенсию, автоматизация и роботизация, а также существенное увеличение рождаемости, не находят отклика ни в сознании и действиях, как правительства, так и у самих граждан.

Другие же управленцы развертывают на страницах газет и в интернете дискуссии о том, что «Миграция-зло или благо?», подогревая тем самым существующие мифы относительно мигрантов, отнимающих якобы у россиян рабочие места. Но такого рода дискуссии не решают проблемы, а забалтывают их. Наряду с ростом абсолютной численности новорожденных в последние годы, о котором трубят как о большом успехе демографической политики все чиновники, вероятно, роль материнского капитала в этом росте рождаемости сильно преувеличена. Впереди неминуемое снижение, с точки зрения демографии, как абсолютных показателей рож-

даемости, так и суммарного коэффициента рождаемости, ожидаемый рост числа пенсионеров, вступление в трудоспособное население малочисленных когорт. Все эти проблемы неминуемо усугубят экономические проблемы страны.

Следовательно, без привлечения внешних мигрантов нам придется, не просто трудно, а это может привести к снижению конкурентоспособности страны и благосостояния населения, что было бы крайне нежелательным.

Тем более что в стареющей Европе, давно уже идет борьба за мигрантов, дабы не снизить хорошие пенсии своим пожилым гражданам и высокие пособия на детей. В ряде стран, таких как, Швеция, Франция, щедрые льготы на детей имеют и женщины - мигрантки. Там целенаправленно и регулярно проводится политика формирования толерантного отношения к ним (так, даже на рекламных щитах, рядом с европейским ребенком - обязательно африканский и азиатский). Это следствие осознания правительством развитых стран, что демографическая и экономическая ситуация требует притока внешних рабочих рук и «мозгов», квалифицированных кадров. Поэтому резко меняется и отношение местного населения к приезжим.

Российские экономисты пока только постоянно говорят, что дефицит труда наступит в России между 2010 и 2015 годом. Значит, времени у чиновников нет. Остались, как говорил великий Рерих, одни сроки.

Пока российское правительство озабочено прежде всего контролем за въезжающими мигрантами на границе. Целью же миграционной политики должна стать максимальная интеграция мигрантов в сообщество. В начале нынешнего года российской трехсторонней комиссией с участием правительства, работодателей и профсоюзов была одобрена Концепция развития миграционной политики до 2025 года. Ее проект Федеральная миграционная служба (ФМС) разрабатывала вместе с группой экспертов по доработке «Стратегии-2020» почти 5 лет. Стоимость пакета мер, реализация которых необходима как условие новой миграционной политики, составит 86 млрд руб. Перечислим стратегические ориентиры Концепции российской миграционной политики. Самая большая статья расходов - 18,5 млрд должна пойти все же на борьбу с незаконной миграцией (совершенствовании миграционного контроля, дактилоскопии, упрощении процедуры выдачи миграционных карт и создании центров содержания мигрантов, которые подлежат водворению и депортации).

По данным ФМС, в РФ ежегодно от 3 млн до 5 млн иностранцев трудятся без официального разрешения (квота на 2011 год составляет 1,7 млн человек).— Но, т. к.»мигранты стране нужны» (без миграционного прироста население РФ было бы меньше на 7 млн человек), то 14 млрд руб. предполагается потратить на программы по адаптации и интеграции мигрантов (создание центров поддержки мигрантов, курсов изучения языка, истории и культуры РФ). В одном из недавних интервью директор ФМС Константин Ромодановский сказал, что 24,2% граждан, приезжающих из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, родились после 1986 года

и не учились в советских школах. Поэтому русский язык они не знают и обучение мигрантов русскому языку крайне важно для их же быстрой адаптации в нашей стране.

Для организованного набора не только мигрантов с низкой квалификацией, но и иностранцев, обладающих востребованной на российском рынке труда профессией, специальностью и квалификацией нужны спецпрограммы стоимостью 4 млрд руб. Еще 5 млрд руб. эксперты предлагают потратить на создание нового подразделения ФМС, которые будут заниматься приглашением предпринимателей и инвесторов для переезда в РФ (предлагается реформированием выдачи разрешений на временное проживание и вида на жительство и совершенствованием института приобретения гражданства РФ).

Одна из важнейших проблем нынешней миграционной политики — отсутствие механизма, который бы грамотно определял потребности рынка в иностранной рабочей силе.

Действующая система квотирования, уже показавшая свое несовершенство, практически никого не устраивает. Квоты нужно выводить из реальной потребности экономики, сократить сроки заявочной кампании (сейчас работодатели в мае подают заявку на следующий год). Предлагается ввести новые механизмы оценки потребностей в мигрантах — на это выделяется 270 млн руб. Поскольку концепция наделяет частный бизнес правом участвовать в «оргнаборе», на «правовое оформление деятельности негосударственного сектора сферы услуг, оказываемых работодателям в целях подбора и привлечения необходимых работников», предлагается выделить 200 млн руб.; еще 250 млн руб. будет стоить создание за границей центров содействия иммиграции в РФ.

Организация «образовательной» миграции (приезд зарубежных преподавателей на работу в РФ), по оценкам экспертов, обойдется в 2 млрд руб. Правда, большой разрыв в оплате специалистов на Западе и у нас осложняет решение этой проблемы и выделенные этих деньги вряд ли кардинально решат проблему. Когда доцент вуза получает 15 тыс. а немецкий студент, обучающийся на госслужащего — 1 тыс евро, трудно представить, что должно заставить высококвалифицированного иностранного специалиста (кроме интереса к экзотике) приехать на работу в Россию.

Еще 1 млрд руб планируется направить на гранты для граждан РФ, получивших профессиональное образование за рубежом, с целью возвращения их в Россию.

На создание образа РФ как «миграционно привлекательного государства» необходимо 200 млн руб. Но, кроме создания позитивного образа, в России необходимо развивать и экономику, социальную сферу для коренных жителей. Решение этих задач должно идти параллельно. Иначе «мозги» к нам никогда не придут. Планируется в Концепции и повышение внутренней трудовой мобильности граждан РФ, стимулирование переселения избыточного населения из регионов с тяжелыми природно-климатическими условиями (7 млрд руб.), поддержка предпринимателей, создающих жилищную и социальную инфраструктуру для внутренних мигрантов.

Не совсем понятно, зачем планируют выделение 10 млрд руб на совершенствование малоэффективной госпрограммы по переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Те, кто хотел вернуться в Россию за 20 лет состарились и вряд ли приедут к нам, а их дети, учась в других школах, вузах, по другим программам и зачатую на другом языке, вряд ли мечтают приехать в страну, чье лидерство напугает любого (по абортам, самоубийствам, коррупции, мужской смертности и т. д.)

Безусловно, предложенная Концепция развития миграционной политики в России чрезвычайно важна в современных условиях и будет способствовать улучшению демографической ситуации, как в стране, так и в уральском регионе. Ее реализация на местах потребует привлечения ученых для дальнейшего изучения и уточнения реальной ситуации с мигрантами в регионе.

Библиографический список

1. А. Воронов, Д. Николаева. Владимир Путин погнал волну миграции вспять // Коммерсант, 2012, №14.
2. Д. Николаева. Гастарбайтеры концептуально подоражают // Коммерсант, 2012, №47.

Мукомель В. И., Москва

Особенности адаптации и интеграции представителей «полупторного поколения» мигрантов¹

Аннотация

В статье рассматривается специфика адаптации и интеграции подростков представителей «полупторного поколения» мигрантов, их ценности и особенности восприятия социальной среды в г.Астрахани и г.Самары. Основное внимание уделяется особенностям первичной адаптации, практикам коммуникаций представителей «полупторного поколения» со сверстниками и принимающим населением, оценке степени и потенциала интеграции представителей «полупторного поколения».

Ключевые слова: полупторное поколение интеграция адаптация социализация вторичная идентичность мигранты социальная среда социальное пространство социальные практики

Предисловие

В отличие от второго поколения мигрантов, социализация которых проходит в России, «полупторное поколение» (которых привезли в Россию в возрасте 7-15 лет), сохраняет память о стране выхода, общественном укладе, нормах поведения и традициях посылающего общества.

Российские исследователи имеют опыт исследования этого поколения к инокультурным средам [1], однако в российском контексте, несмотря на растущий в последние годы интерес к детям мигрантов [2], специализированных работ на тему «полупторного поколения» не появлялось. Хотя можно отметить обостренное внимание к отдельным группам детей, при этом «полупторное поколение» называется наиболее проблематичным, прежде всего в отношении языковых компетенций [2, с.80-81].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Анализ специфики адаптации и интеграции представителей «полупторного поколения» мигрантов из Средней Азии и Закавказья в российских городах», проект N 11-03-00815а.

Ниже представлены результаты исследований особенностей адаптации и интеграции уже выросших представителей «полуторного поколения» – выходцев из Средней Азии и Азербайджана, которых привезли в Россию в возрасте 7-15 лет, но которым на момент обследований было 18-25 лет.

Методика работы включала социологические опросы представителей «полуторного поколения» (299 респондентов), 6 фокус-групп, 40 глубинных интервью, 16 экспертных интервью в Астраханской и Самарской областях в 2011 г.

Образование, работа, межпоколенная мобильность

Т.к. обследования проводились среди представителей «полуторного поколения» в возрасте 17-25 лет, в выборку включались как студенты ВУЗов и техникумов, так и работающие «полуторники» (примерно поровну). В силу особенностей выборки, среди опрошенных высока доля лиц с незаконченным высшим образованием (24,1), еще 16,4 % респондентов имеют среднее специальное образование. В то же время, почти половина респондентов имеют среднее образование и ниже (из них 10,7% с неполным средним и 1,3% - с начальным образованием).

Образовательные стратегии представителей «полуторного поколения» во многом предопределены высоким уровнем образования их родителей: больше половины получивших высшее образование респондентов имеют отца либо мать с высшим образованием (соответственно, 59% и 53%); среди тех, кто получил среднее специальное, около половины (49%) имеют отца с таким же уровнем образования.

Вероятно, родители с более высоким уровнем образования видят в образовании ресурс, необходимый для достижения успеха в России. Особо значимо образование отца: 70% респондентов среди тех, у кого отец имеет высшее образование, продолжают обучение (а не работают) – по сравнению с 25% среди тех, у кого отец имеет среднее образование.

При выборе ВУЗа/колледжа и специальности, респонденты чаще всего ориентировались на собственный интерес к специальности, ее перспективность, а также престижность учебного заведения/специальности. Лишь каждый десятый заметил, что выбор специальности определялся родителями. Родители, чаще всего, и оплачивают образование: подавляющее большинство «полуторников» учатся на коммерческих отделениях.

Чаще всего респонденты – а работают и часть студентов, - находят работу с помощью родителей, родственников, реже помогают земляки или находят работу самостоятельно. Большинство нацелены много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее, хотя часть работающих ориентированы на то, чтобы меть пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне.

86% респондентов планируют работать по специальности. Желание иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск высказали 18% опрошенных. Наименее популярна среди респондентов служба в правоохранительных органах или в российской армии. Девушки чаще юношей предпочитают бюджетный сектор (60% против 43%).

На первом плане – чтобы работа была интересной; деньги, карьера, профессиональный рост являются менее значимыми мотивами для опрошенных.

По своим жизненным планам представители «полуторного поколения» существенно ближе к представителям принимающего сообщества, нежели к представителям мигрантских этнических меньшинств [3].

Проблемы первичной адаптации, социальные коммуникации

Большинство «полуторников» прекрасно помнят свои детские впечатления и трудности того периода. Они отмечают, что основными проблемами после приезда были тоска по привычной среде на родине (71,4 % респондентов), оторванность от друзей и родственников на родине (69,7 %), сложности при общении на русском языке (58,8%). В то же время, большинство вспоминает, что у них не было никаких проблем в общении с детьми их возраста. А среди приятных воспоминаний – фиксация роста материального благосостояния семьи (58,6%), радость новых впечатлений (73,6%) и легкость новых знакомств (половина опрошенных).

Повзрослев, они смотрят на своих младших братьев и сестер (которых также следует отнести к «поколению 1,5», т. к. их привезли в возрасте от 7 до 15 лет) и фиксируют те же проблемы. По их оценке, и для их младших братьев и сестер характерна тоска по привычной среде на родине (70,1 % респондентов), оторванность от друзей и родственников на родине (66,3 %), сложности при общении на русском языке (52,9%). Опять же, крайне редки упоминания о проблемах в общении с детьми их возраста. Чуть реже фиксируется у младших братьев и сестер радость новых впечатлений, зато повзрослевшие «полуторники» отмечают их трудности в учебе.

Представители полуторного поколения, будучи адаптированными к социальным реалиям, несмотря на принадлежность к «видимым меньшинствам», достаточно редко сталкиваются с «особым отношением» к себе со стороны местных сверстников, в системе образования и здравоохранения (с такими случаями сталкивались 15-18% респондентов).

Основные напряжения – на бытовом уровне и во взаимоотношениях с правоохранительными органами (что отметили, соответственно, 34,8% и 33,8% опрошенных). Именно практики коммуникаций на бытовом уровне формируют отстраненность и социальную исключенность части «полуторников». Четверть опрошенных полагают, что «в образе жизни [местных] есть особенности, с которыми людям моей национальности трудно примириться», 15,6% считают, что в данном городе можно работать

и зарабатывать, но нормально жить здесь невозможно, а 11,5% не посоветовали бы людям своей национальности переезжать на постоянное место жительства в свой город.

Представители «полуторного поколения» отмечают, что среди их друзей примерно поровну как русских, так и выходцев с их Родины. Среди тех, с кем они «тусуются» на досуге, русские и соплеменники представлены примерно поровну. Учитывая вероятность контактов с этими этническими группами, предпочтения, отдаваемые представителям своей национальности очевидны. (Имеется специфика: студенты, по большей части, общаются со своими одноклассниками и однокурсниками, независимо от их этнической принадлежности, причем общение с ними продолжается и на досуге. Однако часть студентов-«полуторников» (около 1/5) предпочитает и во время учебы общение со своими соплеменниками).

Наибольшим доверием «полуторников» пользуются родственники, к которым они обратятся за поддержкой при возникновении серьезных трудностей, затем идут друзья, знакомые, независимо от национальности, представители своей национальности.

Связи с Родиной, язык и культура

Большинство после переезда жили с отцом (83%) и/или с матерью (88%). Кроме того, в России часто присутствовали и другие родственники: братья-сестры (74%). Доля прауродителей гораздо ниже (13%). Довольно высока доля тех, чьи родители на момент опроса проживали вне России (около 10%).

Представители полуторного поколения сохраняют связи с родственниками и друзьями, оставшимися в посылающей стране (88% и 55%). Однако связи эти скорее принимают форму виртуального, чем живого общения: 53% ездили реже одного раза в год в страны, где остались родственники и друзья. 64% респондентов принимают у себя приезжающих родственников из других стран. Об особых затруднениях, вызванных собственной поездкой в страну, где они родились, или же визитами родственников, респонденты не сообщали (65% чувствуют себя комфортно при поездках туда, 64% рады приездам родственников).

Довольно высокой оказалась доля тех, кто следит за новостями общественно-политической и культурной жизнью в обеих странах, так 69% интересующихся событиями в России следят и за событиями в стране, откуда приехали. (Тогда как 80% тех, кто не интересуется российской общественно-политической жизнью, не проявляют интереса и к информационной среде посылающей страны).

Транснациональные связи поддерживаются в виде сетей взаимопомощи: 57% регулярно или хотя бы время от времени помогают членам семьи в странах, откуда они когда-то переехали, а 52% получают такую помощь от них.

Преобладающее большинство «полуторников» считают родным язык страны происхождения (хотя 11% назвали родным русский язык). Достаточно долго прожив в России, они хорошо владеют русским языком, хотя преподаватели ВУЗов отмечают, что часто их знаний не хватает для полноценного освоения учебного материала. В большинстве случаев, в рабочем (учебном) коллективе они общаются на русском языке – на это указали 72,4% ответивших. (При том, что работающие «полуторники» трудятся, как правило, в этнически смешанных коллективах, реже – в чисто «русских» коллективах, только 15,9% работают исключительно с соплеменниками). Дома же русский используется достаточно редко – только каждый пятый указал на то, что они говорят преимущественно на русском, большинство пользуется и русским, и материнским.

Восприятие городской среды

Восприятие городской среды «полуторниками» существенно отличается и от восприятия города принимающим населением, и от восприятия его мигрантами. С одной стороны, представители полуторного поколения гораздо лучше мигрантов ориентируются в городской среде. С другой – перечень мест, предпочитаемых представителями полуторного поколения, включает пространства, к которым принимающее население относится прохладно или с опасением. Специфика восприятия городской среды представителями полуторного поколения явно свидетельствует об их двойственном положении: ещё не «коренные» жители, но уже и не мигранты, они занимают некую промежуточную позицию между двумя когортами¹.

Как в Астрахани, так и в Самаре респонденты без труда называют множество городских достопримечательностей. В Астрахани в числе наиболее значимых пространств выступают набережные Волги, Кремль и площадь Ленина. (По сравнению с местным населением и мигрантами, представители полуторного поколения отдают предпочтение набережным перед кремлевским комплексом что, по всей вероятности, объясняется возрастом респондентов). В перечень городских пространств, без которых нельзя представить Астрахань, респонденты включают рынок Большие Исады – место, которое у большинства коренных жителей вызывает неприязнь и ассоциируется с опасностью. Тогда как для представителей «полуторного поколения» Большие Исады – не угроза или чуждое пространство, но место, где можно встретить земляков и знакомых.

В Самаре представления респондентов о местах, без которых город не был бы собой, практически совпали с представлениями «коренных» горожан.

¹ Анализ восприятия городской среды местным населением и мигрантами см. [3].

В отличие от коренных горожан и мигрантов, представители «полуторного поколения» демонстрируют стремление проводить свободное время вне стен собственного жилища, что, опять-таки, объясняется возрастом респондентов. Одновременно это явное свидетельство высокого уровня их адаптации к городской среде.

В Самаре мест, специально предназначенных для проведения досуга, значительно больше, нежели в Астрахани, и респонденты из числа представителей полуторного поколения демонстрируют их энергичное освоение. Излюбленными местами для дружеских встреч здесь служат парки, кино-театры, спортзалы, торговые центры, кафе, боулинги и т. д. Вместе с тем, периодические упоминания о мечетях подчеркивает культурную близость респондентов с мигрантами, которые также выделяют данные культовые сооружения в числе наиболее привлекательных мест города.

Практики использования городских пространств представителями «полуторного поколения» дают возможность сделать вывод о том, что они, с одной стороны, гораздо больше, нежели мигранты, адаптированы и интегрированы в социальную среду принимающих городов, но, с другой стороны, сохраняют определенную культурную близость со своими земляками и страной исхода.

Долгосрочные планы и оценка степени интеграции

Большинство респондентов имеют российское гражданство (3/4), либо рассчитывают его получить (1/5), прекрасно владеют русским языком, давно проживают в России, больше интересуются общественно-политической жизнью в России, чем в стране происхождения. Представители «полуторного поколения» хорошо ориентируются в городской среде. Их восприятие городской среды и практики ее повседневного освоения практически не отличаются от практик, характерных для коренных жителей города и коренным образом отличаются от восприятия городской среды трудовыми мигрантами.

Картина, однако, не столь радужна: представители «полуторного поколения» сталкивающиеся с серьезными проблемами в повседневной жизни (многие из них отмечают предвзятое отношение со стороны правоохранительных органов и местного населения, существенно реже — в процессах обучения, общения с органами государственной власти, в сфере здравоохранения и др.).

Их интеграция идет с большим трудом. Большинство назвали «своей» культуру страны происхождения, подавляющая часть считает родным языком материнский. Их жизненные планы часто не связаны с Россией: каждый третий намерен вернуться на родину предков, лишь 42% отмечают намерение остаться в России навсегда. (Примерно такова доля желающих остаться в России среди трудовых мигрантов). Лишь 38% респондентов хотели бы, чтобы их дети или внуки стали коренными россиянами.

Настораживает, что ориентация на отъезд и возвращение в страну происхождения более характерна для учащейся, чем работающей молодежи. (Многих студентов-полупортников родители привезли или послали в Россию для получения образования. Однако, среди студентов существенно больше и не определившихся в своих долгосрочных жизненных планах).

Студенты больше интересуются культурой, социально-политической жизнью своей Родины, чем свои работающие сверстники. При этом стремление к отъезду особо проявляется у тех, кто прожил в России достаточно долгое время и, вероятно, не видя для себя особых перспектив в России, больше рассчитывают на социальные лифты в стране происхождения.

Примечательно, что ориентации на отъезд из России часто поддерживаются родителями «полупортников».

Практики коммуникаций представителей «полупортного поколения» со сверстниками демонстрируют их известную отчужденность от этнического большинства: с выходцами из страны, откуда приехала их семья, общаются столь же часто, сколь и с местными русскими. Более половины опрошенных сохраняют связи с друзьями, оставшимися в стране, где они родились.

Субкультуры «полупортников» специфичны и резко отличаются от местных сверстников. (В своих музыкальных предпочтениях они, например, ориентируются исполнителей страны происхождения, а также иранских и турецких исполнителей).

Напрашивающийся вывод: значительная часть «полупортников», формально интегрировавшихся в российский социум, таковыми не являются.

Однако ситуация сложнее: среди «полупортников» выделяются три контингента: во-первых, интегрировавшихся и собирающихся навсегда осесть в России, во-вторых, адаптировавшихся к российским реалиям, но намеренных вернуться в страну происхождения и, наконец, не определившихся.

Различия между первыми двумя контингентами разительные. Среди тех, кто собирается навсегда остаться в России, своей назвали культуру России 22,6%, обе культуры (российскую и страны происхождения) – 35,5%. 61,3% опрошенных из этой группы хотели бы, чтобы их дети и внуки стали коренными россиянами.

Их круг общения – преимущественно местные сверстники, связи со страной происхождения – относительно слабые. Связи с диаспорой практически отсутствуют (только 9,7% отметили, что поддерживают связи с национально-культурными центрами, другими диаспорными организациями). Большинство из них имеют российское гражданство (79,0%), или стремятся его получить (20,2%). Очень важно, что их жизненные планы поддерживаются их родителями: родители, 59,7% которых имеют российское гражданство, также хотят, чтобы они остались в России (63,7% отметили поддержку родителей).

Несмотря на то, что большинство намеревающихся вернуться на Родину (как и их родители), имеют российское гражданство – 70,2%, а часть желают его получить – 21,2%, социальная исключенность этого контингента налицо.

Круг их общения иной: на досуге они чаще «тусуются» с земляками, почти 2/3 их друзей – выходцы с их Родины. Связи с родственниками поддерживают практически все, подавляющее большинство в трудной жизненной ситуации обратятся, в первую очередь, к родственникам и земляками. Тесные связи с диаспорными организациями поддерживают половина потенциальных возвращенцев.

Среди намеренных вернуться на Родину, культуру России своей назвали только 3,4%, обе культуры (российскую и страны происхождения) – 28,1%. Подавляющее большинство назвали родным языком материнский (92,6%). Только 26% хотели бы, чтобы их дети и внуки стали коренными россиянами. Примечательно, что их планы на отъезд активно поддерживаются, как отмечают опрошенные, их родителями – что отметили 71,3 % потенциальных репатриантов.

Предпочтение, отдаваемое культуре страны происхождения, проявляется и в музыкальных пристрастиях молодежи, настроенной на отъезд: 56,8 % отметили, что они предпочитают музыкальных исполнителей страны, в которой родились, 8,4% - иранских и турецких исполнителей. (Среди намеренных остаться в России, соответственно, 29,0% и 7,3%, а чаще предпочтение отдают западным исполнителям).

Настроенные на отъезд менее «вестернизированы» и привержены традиционной культуре страны происхождения: только 29,3% считают, что не обязательно регистрировать брак (против 41,5% среди намеревающихся осесть в России).

Водораздел между этими двумя контингентами – в предыстории, личных опытах проживания в России. Большинство намеренных остаться в России приехали в страну в раннем возрасте (44,4% – в возрасте 7-8 лет). Приезжали с семьей: жили с отцом - 95,9%, с матерью – 91,8%, с братьями и сестрами – 76,7%. И на момент опроса семьи, в большинстве своем сохранились, а родители проживают в этом же городе у 85% респондентов.

Иной жизненный опыт у тех, кто намерен вернуться на Родину. Чаще всего, они приезжали в более зрелом возрасте: 85% было больше 9 лет, в т. ч. свыше половины «возвращенцев» приехали, когда они были «тинэйджерами» (13-15 лет). Многие приехали в составе неполных семей: только 2/3 жили вместе с отцом, с матерью – 83,7%. На момент опроса в городе проживали родители у 65,3% потенциальных возвращенцев.

Возраст, в котором представители «полупорного поколения» прибыли в Россию и состав семьи, вероятно, определяют успешность или не успешность их социализации, интеграции в российское общество.

В отличие от второго поколения мигрантов, для представителей «полупорного поколения» характерны двойственная (множественная) идентичность, восприятие себя как группы культурно адаптированных, владеющих языком страны проживания, перед которыми общество воздвигло барьеры как перед “чужими”. Двойственная идентичность, отношение к ним принимающего населения, могут служить важными факторами социальной исключенности, маргинализации и распространения экстремистских настроений среди представителей этой генерации.

Библиографический список

1. Фаис О.Д. Полуторное» поколение как новая категория иммигрантов в Италии - общий абрис проблемы //Европейская интеграция и культурное многообразие. Ч.1 Идентичность и миграция/ Отв. ред. М.Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2009.
2. Александров Д., Баранова В., Иванюшина В. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные: рабочие материалы НУЛ СОН /Д.А. Александров, В.В. Баранова, В.А. Иванюшина. – СПб.: Изд-во Политехн., ун-та, 2011.
3. Григорьева К., Кузнецов И., Мукомель В., Рочева А.. Социальная среда российских городов в восприятии «гастербайтеров» и местного населения. – М.: Институт социологии РАН, 2010.

Немировская А. В., Санкт-Петербург

Влияние качества жизни на социальную толерантность: компаративный подход

Аннотация

В докладе представлены результаты анализа влияния социального и экономического благополучия индивидов и стран на социальную толерантность. В качестве эмпирической базы исследования использованы данные Всемирного исследования ценностей, глобальных индексов социального и экономического развития, а также данные международной государственной статистики.

Ключевые слова: социальная толерантность, качество жизни, показатели социально-экономического развития, Всемирное исследование ценностей, компаративный анализ, регрессионный анализ

В зависимости от показателей социально-экономического развития социума, уровень толерантности значительно варьируется, как в странах мира, так и в регионах России. Социальная толерантность в обществе, и в широком, обобщенном смысле, а также применительно к конкретным социальным группам (людям иного этнического происхождения или отличающегося стиля жизни), может быть объяснена через ряд показателей объективного и субъективного характера.

С помощью данных известного международного проекта «Всемирное исследование ценностей» (World value, индикаторов международной статистики и ряда глобальных композитных индексов показано влияние различных факторов институционального и индивидуального уровня на социальную толерантность. Так, доказывается, что развивающиеся страны проигрывают большинству развитых стран в рейтинге толерантности, вследствие ряда экономических, энвайроментальных и социокультурных причин. Социальная интолерантность ассоциируется с невысокими показателями ВВП и ИРЧП, коррупцией, низким уровнем доверия правительству, отсутствием законности и правопорядка, энвайроментальными угрозами, недостатком демократии и гражданских свобод, гендерным неравенством и другими характеристиками недостаточного уровня социального развития.

В результате анализа выявлено, что влияние различных социально-экономических факторов на уровень толерантности в обществе значительно выше, чем культурных или исторических. Тем не менее, неудовлетворительное качество жизни, обусловленное низким уровнем социально-экономического и политического развития страны, может оказывать менее значимое влияние на социальную толерантность, при определенных исторических и культурных условиях, таких как длительный контакт социальных групп в мультикультурной среде, наличие значительной доли потомков мигрантов среди населения, давняя история миграций на данной территории. Особое внимание в докладе уделяется сравнительному анализу социальной толерантности в России на фоне других стран.

Осипова В. Н., Кострома

Отношение жителей города Костромы к мигрантам из бывших республик СССР

Аннотация

Костромская область является привлекательным регионом для трудоустройства мигрантов и их постоянного проживания. Проблема взаимодействия мигрантов и жителей принимающей территории является одной из наиболее актуальных в регионе. Статья посвящена результатам исследования по данной проблеме.

Ключевые слова: миграция, социологическое исследование, отношение местных жителей к мигрантам, уровень толерантности

Миграция – неотъемлемая характеристика образа жизни современного общества. Она является неоднозначным социальным процессом. С одной стороны, миграция связана с перераспределением трудовых ресурсов, их обучением, отдыхом и т. д. С другой – может привести к росту социальной напряженности, порождая проблемы обеспечения жильем, работой, устройством и адаптацией мигрантов на новом месте жительства.

Костромская область является привлекательным регионом для мигрантов. Так, в 2010 году в область въехали 14 264 иностранных гражданина, в 2011 – 14 705. В основном, это трудовые мигранты из Узбекистана, Украины, Таджикистана, Казахстана, Азербайджана и Армении.

Прямым следствием масштабных перемещений людей является все более возрастающее разнообразие народностей, культур, религий в одной стране, в частности в нашем регионе. Все это неизбежно ведет к возникновению социального напряжения, к скрытым и открытым конфликтам между местным населением и приезжими.

В связи с этим в 2011 году было проведено исследование по проблеме отношения костромичей к мигрантам. Цель исследования – выявить уровень толерантности принимающей стороны в отношении к мигрантам из бывших республик СССР. В качестве респондентов выступили 400 костромичей по репрезентативной выборке.

Результаты исследования показали, что большинство костромичей (51,4%) негативно относятся к появлению в их городе мигрантов. На вопрос «Что отрицательного Вы видите в приезде мигрантов в Ваш город?» 54,2% респондентов ответили, что мигранты способствуют росту преступности.

51,7% считают, что мигранты неуважительно относятся к местным жителям и их традициям. 50,2% отмечают, что мигранты торгуют товарами и продуктами низкого качества, а 43,7% – что мигранты являются переносчиками болезней и источниками антисанитарии.

На вопрос «Что положительного Вы видите в приезде мигрантов в Ваш город?» 45,9% респондентов ответили, что мигранты работают там, где не хотят работать местные жители. 37,2% не видят ничего положительного в приезде мигрантов.

Подобное негативное отношение к приезжим подтверждается и тем, что мигрантов нет в окружении 72,6% опрошенных костромичей. Но данная цифра говорит еще и о том, что отрицательный взгляд на приезжих сформирован на основе определенных стереотипов, навязанных обществом, СМИ. Ведь если среди ближайшего окружения нет мигрантов, как можно понять, какие они, и правильно оценить их поведение. Получается замкнутый круг: человек не подпускает к себе приезжего, потому что он «чужой» и при этом «чужой» не станет «своим», потому что человек его не знает.

Свое недовольство увеличением в городе числа мигрантов костромичи объясняют беспокойством по поводу роста преступности, возможности возникновения межнациональных конфликтов, угрозы террористических актов, а также антисанитарии и распространения болезней. Тем не менее, по данным Информационного центра Управления Министерства внутренних дел по Костромской области, общий уровень преступлений, совершенных иностранными гражданами в течение 2011 года, составляет 1,1% от общего числа раскрытых преступлений и существенно по количеству и тяжести совершенных преступлений на криминогенную обстановку в Костромской области не влияет.

Согласно результатам исследования 62,5% респондентов беспокоит проблема межнациональных отношений в городе Костроме. При этом по данным Управления Федеральной миграционной службы по Костромской области, конфликты на межнациональной почве не зарегистрированы. Если и случаются столкновения между представителями разных народов, то происходят они, в основном, на бытовой почве, что характерно для любых наций.

При всем негативном отношении к мигрантам костромичи готовы помочь обратившемуся к ним за помощью приезжему, а именно 48,9% помогли бы советом, 27,1% продуктами питания, одеждой, медикаментами, 6% помогли бы устроиться на работу. Кроме того, лишь 11,7% респондентов оценивают отношение приезжих к местному населению как враждебное, 42,3% – настороженное, 20% безразличное, 2,2% – дружелюбное.

Более того костромичи смогли назвать качества, которые им нравятся в людях, приезжающих из бывших республик СССР. На открытый вопрос «Назовите пять качеств, которые Вам нравятся в людях, приезжающих из бывших республик СССР» респонденты назвали такие качества, как трудолюбие, гостеприимство, национальная сплоченность, уважительное отношение к старшим, семейственность, целеустремленность, дружелюбие

и т. д. Среди отрицательных качеств выходцев из бывших республик СССР респонденты назвали: неопрятность, необразованность, хитрость, навязчивость, агрессивность, мстительность, высокомерие.

Таким образом, большинство костромичей негативно относятся к появлению в их городе мигрантов. По мнению 50,8% респондентов, русские должны иметь преимущественные права. 47,1% опрошенных костромичей считают, что присутствие в России людей разных национальностей отрицательно сказывается на жизни людей.

Снижение напряженности в отношениях между мигрантами и жителями принимающей территории может быть достигнуто продуманной миграционной политикой как на государственном уровне, так и на уровне местной власти.

Коршунова Е. В., Поносова Е. О., Пермь

Перспективы трансформации миграционного потенциала молодёжи региона и социально-экономических функций миграции в XXI веке

Аннотация

В ракурсе процессов модернизации современного российского общества на региональном уровне актуальной является проблема реализации человеческого потенциала, а в частности, проблема миграционного потенциала региона. В статье рассматриваются особенности миграционных процессов среди наиболее активной части населения – молодежи. Основное внимание уделяется изучению миграционных настроений в молодежной среде на основе результатов эмпирического социологического исследования.

Ключевые слова: модернизация, человеческий потенциал, миграция, миграционные процессы, мотивы, установки

В настоящее время модернизация становится одной из центральных и обсуждаемых тем в научных, общественных, социально-экономических, социально-политических дискуссиях в российском обществе. Но при рассмотрении модернизационных процессов часто упускается из виду такая важная составляющая как человеческий потенциал, являющийся одним из главных факторов, направляющих развитие как страны в целом, так и отдельных регионов.

Для характеристики категории человеческий потенциал, нередко обращаются к изучению миграционного потенциала страны или отдельных субъектов. Многие исследователи понимают под миграцией все многообразие пространственного движения населения, независимо от его характера и целей. Сюда относят переезды из одних населенных пунктов в другие, ежедневные поездки на работу или учебу за пределы населенных мест, прибытие в тот или иной район на временные, в том числе и сезонные, работы, поездки в командировки, отпуск и другие перемещения. [3, с.18] Нас интересует первый аспект, т. е. переезд населения на постоянное место жительства за пределы родного города, региона, страны.

Миграционная убыль экономически активного населения затрудняет стабильное развитие территорий, препятствует повышению уровня жизни населения и говорит о недостаточно высокой привлекательности региона, что может повлечь за собой социальную напряженность, снижение эффективности его социального и экономического развития. При всем этом, неоспоримым является тот факт, что уезжает из регионов наиболее перспективная часть населения – высококвалифицированные кадры, специалисты с достаточно высоким уровнем образования. Таким образом, на региональном уровне проблемы, связанные с миграционными процессами, возникают, в значительной мере, по причине так называемой «утечки мозгов». Следовательно, необходимо повышать миграционную привлекательность региона и стремиться к сохранению интеллектуального ресурса.

Часть населения, наиболее подверженную миграционным процессам, составляют люди в возрасте 18-35 лет, т. е. молодежь. Эта социальная группа всегда считалась наиболее динамичной частью общества, поэтому происходящие за последние десятилетия различные перемены в родном городе и крае, области стимулируют в значительной мере именно молодых людей на миграцию в другие города, или даже страны.

Рассмотрим миграционные процессы и связанные с ними изменения концепции «человеческого потенциала», проходящие в Пермском крае. Отметим, что в Прикамье реализуются проекты по улучшению привлекательности региона для его жителей. Например, таковым является региональный проект, инициированный экс-губернатором края О.Чиркуновым – «Пермский край. Найди себя здесь», который направлен на то, чтобы регион стал территорией успешного развития для каждого человека. По словам организаторов проекта, край не должен проигрывать конкуренцию за те группы, которые формируют доходы региона – высококвалифицированных специалистов, предпринимателей, и особенно, молодежь. Поэтому в рамках проекта взяты направления развития, способствующие более комфортному проживанию данных категорий населения в Пермском крае.

Для построения грамотной миграционной политики, эффективного развития и реализации всех региональных проектов необходимо руководствоваться не только количественными статистическими данными, отображающими долю выбывших и прибывших в регион, но и выяснять качественные факторы, причины возникновения определенных миграционных настроений, потенциальный уровень миграции, поскольку от действия этих факторов в значительной степени зависит стабилизация социально-экономической ситуации в регионе.

Обратимся к общероссийским опросам общественного мнения. Фондом «Общественное мнение», в 2010 году была проведено исследование, посвященное выявлению миграционных настроений в регионах страны [1]. По данным опроса, 25% россиян хотели бы переехать из населенного пункта, где они проживают. Среди потенциальных мигрантов, 33% высказали желание поменять место жительства в пределах своего региона,

25% хотели бы переехать в другой регион страны, 18% мечтают о переезде в другую страну, еще 17% хотели бы жить в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге.

Если говорить о типологии регионов по уровню миграционных настроений, то доля жителей, планирующих уехать из Пермского края, ниже среднего (21% жителей края хотели бы сменить место жительства, когда 76% не планируют уезжать из региона). Причем данный показатель отображает то, что Пермский край по уровню миграционных настроений находится в одном ряду с регионами-соседями Республикой Татарстан (21% жителей данного региона хотели бы переехать), Чувашской республикой (21%), Свердловская область (20%). Стоит отметить, что доля желающих переехать в Пермском крае значительно ниже, чем в большинстве других регионов: например, Кировской области (где доля потенциальных мигрантов составила 26%), Челябинской области (25%). Однако весьма благоприятные показатели могут быть омрачены тем, что более 40%, планирующих уехать из региона - это молодые люди. Тем самым видно, что край постепенно теряет перспективные кадры, а это, в свою очередь становится негативной тенденцией для будущего развития Прикамья.

Опираясь на результаты опросов, а также руководствуясь данными региональной статистики, можно отметить, что социальные, демографические, экономические процессы, происходящие в Пермском крае, подтверждают общероссийские тенденции: население небольших поселков, сел перебирается в районные города, население таких городов – в более крупные города и краевой центр, население краевого центра перебирается в города и центры других более привлекательных регионов. По оценке, основанной на сравнении данных переписей 2002 и 2010 гг., сельская местность и малые города теряют в среднем 20-25% молодежи, и основной отток идет в «свои» региональные центры, либо в региональные центры и крупные города соседних регионов [2]. В итоге, Пермский край, так или иначе, теряет население. Это подтверждает важность и необходимость разработки комплекса мер и управленческих решений со стороны руководства региона, которые направлены на изменение данной тенденции.

В рамках изучения данной проблемы в первом квартале 2012 г. было проведено пилотажное социологическое исследование, в котором приняли участие молодые люди, на данный момент проживающие, учащиеся или работающие в г. Перми. Целью данного исследования было изучение особенностей миграционных процессов среди молодежи г. Перми, а основными задачами - выявление установок молодежи по отношению к переезду в другое место жительства; определение факторов, обуславливающих стремление молодёжи Перми покинуть регион; изучение мотивации миграции молодежи. Также были выдвинуты основные гипотезы о том, что основными мотивами отъезда из региона является проблема трудоустройства после окончания высшего учебного заведения, а основным фактором, ограничивающим возможность миграции, является страх перед адаптацией на новом месте, нежелание оставлять семью и друзей.

В опросе приняли участие 106 человек, среди которых 69,8% - женщины, а 30,2% - мужчины, в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст составил 20,6 лет). Среди опрошенных 81,1% молодых людей имеют незаконченное высшее образование, 9,4% – высшее образование, или ученую степень, 1,9% получили среднее специальное образование, а 7,5% имеют общее среднее образование. 62,3% опрошенных коренные пермяки, а 37,7% родились в других городах, преимущественно Пермского края.

В ближайшие 2-3 года планируют уехать из Перми 20,8% респондентов, а 54,7% отметили, что не имеют таких планов. Среди молодых людей, которые хотели бы уехать из Перми, 29,2% планируют переехать в крупный мегаполис другого региона, 16,7% хотели бы переехать в столичные города, 41,2% планируют уехать в другую страну, а 4,2% в другой город Пермского края. Среди женщин и мужчин примерно одинаковая доля тех, кто планирует уехать из Перми (20,9% и 20% соответственно), однако девушки чаще отмечают, что планируют остаться в Пермском крае (58,1% против 40% среди юношей), а среди представителей сильного пола чаще, чем среди девушек, возникают сложности с решением о переезде (40% против 20,9%). Коренные пермяки реже планируют уехать из города, чем те, кто родился в других городах (18,2% против 25%).

Распределение причин отъезда из Пермского края показывает, что молодёжь, которая планирует уехать из Перми, в своем решении руководствуется такими мотивами, как низкая оценка рынка труда в Перми (в Перми мало возможностей для профессионального, карьерного роста – 9,3%; мало возможностей по трудоустройству - 8%), отсутствие доступного жилья – 9,3%, плохая экологическая ситуация в регионе – 9,3%, плохо развита социальная сфера – 9,3%, меньше возможностей для отдыха и досуга – 8%. Также среди прочих причин отъезда из Перми, молодыми людьми были названы: высокий уровень коррупции, бюрократия - 6,7%, экономическая ситуация – 6,7%, плохое развитие инфраструктуры – 5,3%, плохой климат – 5,3%, высокий уровень преступности – 4% и низкие возможности для развития своего бизнеса – 4%.

В тоже время высока доля молодых людей, которые не хотят уезжать из родного края, города. Среди причин, по которым молодежь остается в Перми, выделяются такие: нежелание оставлять семью, родных, друзей – 43,4%, также около трети боятся перемен, сложностей адаптации в чужом городе – 35,9%, а 32,1% отмечают нехватку материальных средств для переезда в другой город.

Проективный вопрос о том, что необходимо сделать руководству края для того чтобы перспективная молодежь не уезжала в другие регионы, выявил, что основные направления действия руководства.

Во-первых, необходимы действия в области занятости и трудоустройства молодежи: 26,4% отмечают, что руководство региона могло бы оказывать содействие в трудоустройстве, 11,3% предлагают ввести программы по распределению молодежи после окончания вуза на предприятия и в организации Пермского края, для получения необходимого опыта работы. По мнению 15,1% необходимо уравнивать в правах при тру-

доустройстве, как молодых специалистов, так и работников с уже имеющимся стажем, 18,9% считают, что для того, чтобы молодежь оставалась в крае необходимо обеспечить молодых работников достойной заработной платой и работой, соответствующей полученному образованию, а еще 7,5% отмечает необходимость создания новых рабочих мест для выпускников пермских вузов. Вторым важным направлением, по мнению молодых пермяков, является обеспечение молодых людей доступным жильем, льготы, низкие ставки по кредитам на приобретение жилья для молодых, помощь в жилищном вопросе для молодых семей – 28,3%. Третьим направлением действий органов власти может стать развитие инфраструктуры города и края в целом: 11,3% отмечают необходимость развития инфраструктуры, открытие новых мест для отдыха молодежи, озеленение города, благоустройство парков и скверов.

Также отмечалась необходимость следующих мер со стороны органов власти: вовлечение молодежи в различные проекты (11,3%), обеспечение молодых людей бесплатным средним и высшим образованием, развитие науки (11,3%), льготы, бонусы для молодежи (9,5%), помощь молодым предпринимателям в развитие малого бизнеса (7,5%), развитие культурного уровня молодежи (7,5%), необходимость организации досуга молодежи (3,8%), повышение престижа края среди остальных регионов (3,8%).

Отдельно в исследовании рассматривалась вопрос о том, действительно ли современная молодежь склонна к изменениям и переменам. Оказалось, что около 67,9% молодых людей, участвующих в нашем исследовании, можно назвать «новаторами» - они склонны к новому, им нравятся перемены и новшества, однако 13,2% отнесли себя к заядлым «консерваторам» – им не нравятся изменения и перемены. Причем среди мужчин «новаторов» больше, чем среди женщин (80% против 65,1%), а также больше склонны к переменам те, кто приехал в Пермь из других городов (70%). Примерно 54,7% считают, что их положение полностью зависит от их усилий, а по мнению 45,3% изменение их положения зависит от них самих только в некоторой степени. Коренные пермяки считают, что их положение больше зависит от обстоятельств, а от их усилий лишь в какой-то мере. В тоже время более 65% людей, ранее живших не в Перми, связывают изменения в их жизни больше с личными усилиями. Интересен тот факт, что среди «новаторов» только 22,2% планируют уехать из Перми, а 52,8% - не планируют, когда среди «консерваторов» мнения разделились - 42,9% хотели бы уехать из города, а еще 42,9% - не имеют планов по переезду.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Уровень миграционных настроений в Пермском крае невысок по сравнению с общероссийскими показателями, однако большая доля молодежи среди потенциальных мигрантов, является негативным фактором для развития социально-экономических, политических, культурных сфер региона.

Сочетание притягивающих и выталкивающих факторов, из-за которых молодёжь устремляется выехать из региона, может быть весьма сложным и разнообразным, однако, в большинстве случаев основными являются проблемы трудоустройства, жилищных условий, а также проблемы,

связанные с развитием инфраструктуры. Именно на эти направления следует обратить внимание органам региональной власти и местного самоуправления при формировании приоритетных направлений для развития региона. Таким образом, еще раз подтверждается тот факт, что задачи эффективного управления миграцией требуют соответствующего изучения общественного мнения, чтобы на основе полученного знания можно было выстраивать новые механизмы управления человеческими ресурсами.

Библиографический список

1. Миграционные настроения в регионах РФ // База данных «Фонда общественного мнения». URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1030/d103015> (Дата обращения: 15.03.2012).
2. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество» № 419-420, 2010. URL: http://www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (Дата обращения: 15.03.2012).
3. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. - М., 2001.

Пруцкова Е. В., Москва

Религиозность и толерантность к осуждаемым религией формам поведения в сравнительной перспективе: проблема согласованности феномена религиозности

Аннотация

В докладе исследуется одна из ценностно-нормативных сфер, в которой можно ожидать, что нормы поведения будут особенно жестко предписываться религией. Обосновывается тезис о том, что несогласованность феномена религиозности может быть важным показателем, определяющим влияние религиозности на установки и ценности, и должна, наряду с другими показателями религиозности, включаться в социологический анализ.

Ключевые слова: социология религии, сравнительные исследования, согласованность феномена религиозности, новые формы религиозности, толерантность, Европейское исследование ценностей

В рамках данной работы исследуется одна из ценностно-нормативных сфер, в которой можно ожидать, что нормы поведения будут особенно жестко предписываться религией, а девиации — особенно резко осуждаться, а именно сфера сексуальности, семьи и экзистенциальных вопросов.

В качестве информационной базы данной работы выступает Европейское исследование ценностей (EVS — European Values Study¹) 2008 г. В исследовании принимали участие 46 стран (48 регионов).

Мы рассматриваем толерантность к тем формам поведения, которые представляют собой девиации от предписываемых разными религиями норм — к самоубийству, эвтаназии, аборту, разводу, случайным сексуальным связям, гомосексуализму, проституции. Для дальнейшего исследования мы объединяем указанные переменные при помощи факторного анализа, поскольку отношение к каждому из указанных вопросов в значительной мере коррелирует со всеми остальными и образует внутренне

¹ URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (30.12.2010). Доступ к данным: European Values Study: GESIS. URL: <http://www.gesis.org/en/services/data/survey-data/european-values-study/> (30.12.2010).

согласованный феномен (альфа Кронбаха 0,85). Один фактор объясняет 53% дисперсии, при этом все указанные переменные вносят приблизительно равный вклад в его формирование. Более высокие значения фактора соответствуют более толерантному отношению к нарушению предписываемых религией социальных норм. Использование обобщенного показателя толерантности позволяет нам снизить влияние систематических смещений в некоторых странах, вызванных специфическим отношением к одному или нескольким из указанных вопросов, которое может быть обусловлено, например, культурными и историческими особенностями некоторых стран, наличием общественных движений соответствующей направленности, освещением указанных вопросов в СМИ и другими факторами.

В ряде стран связь между личной религиозностью и приверженностью предписываемым религией нормам (или толерантностью к формам поведения, осуждаемым религией) действительно довольно сильна, например, в средиземноморских и западноевропейских странах. Коэффициент корреляции Пирсона между обобщенным показателем толерантности и показателем общей религиозности в виде ответа на вопрос о важности Бога в жизни респондента составляет -0,51 в Испании, -0,49 в Италии и Нидерландах¹. Тем не менее, в некоторых странах (в первую очередь — это Россия и другие пост-социалистические страны) указанная связь оказывается значительно более слабой либо практически отсутствует (в России -0,08).

Религиозность мы рассматриваем как иерархический и многомерный феномен, в котором выделяются два основных уровня: общий уровень и частные проявления. На общем уровне мы определяем степень религиозности по ответам на вопрос о важности Бога или религии в жизни респондента. В рамках уровня частных проявлений выделяются несколько измерений: самоидентификация с определенным вероисповеданием, верования (вера в Бога, в жизнь после смерти, в рай и ад), религиозные практики (частота посещения религиозных служб и частота молитвы). Необходимо отметить, что выделение в религии нескольких компонентов уходит корнями в работы классиков социологии. Так, религия, по Э. Дюркгейму, состоит из верований и ритуалов, при этом последним отводится основная роль в формировании представлений о сакральном (Э. Дюркгейм определяет религию через различие сакрального и профанного (священного и светского), и именно деление мира на эти две категории является основной объединяющей все религии характеристикой) [Durkheim 1964(1912)]. Среди основоположников многомерного подхода к изучению религии и религиозности выделяются Ч. Глок [Glock 1962], Дж. Фолкнер и Г. де Йонг [Faulkner, de Jong 1966], Г. Олпорт [Allport 1954] и др. Методическое оснащение для анализа религиозности в настоящее время наиболее полно отрефлектировано в рамках психологии религии. Одним из основных текстов, на которые ссылаются как психологи, так и социологи, является книга «Меры религиозности» П. Хилла и Р. Худа

¹ Все коэффициенты, даже наиболее близкие к нулю, значимы на уровне $p < 0,01$.

[Hill, Hood 1999]. В российской традиции изучения религиозности часто используется понятие «воцерковленность», примером может служить «В-индекс» В.Ф. Чесноковой, составляемый на основе нескольких измерений религиозности [Чеснокова 2003].

Помимо собственно набора показателей, которые необходимо измерить для того, чтобы определить религиозность в ее полноте, важным вопросом является взаимоотношение этих показателей — должны ли они быть в значительной степени связаны друг с другом или могут быть независимыми, т. е. высокая религиозность по одному из них (например, вера) может не влечь с необходимостью высокой религиозности, измеренной при помощи другого показателя (например, посещение церковных служб). Существуют противоречивые эмпирические данные, свидетельствующие как в пользу того, что эти аналитически отдельные оси в значительной степени скоррелированы, так и в пользу того, что они в значительной степени независимы.

В настоящее время данный вопрос приобретает ключевое значение, что, например, нашло отражение в программном заявлении М. Чавеса относительно чрезвычайно широко распространенной в исследованиях религии проблемы ошибочного представления о согласованности феномена религиозности (*religious congruence fallacy*)¹, имеющего три смысла: во-первых, ошибочное представление о том, что религиозные верования и ценности индивида представляют собой логичную, последовательную систему, во-вторых, что поведение людей напрямую следует из этих верований и ценностей, и в-третьих — что эти верования и ценности стабильны во времени и не зависят от ситуации, контекста, в котором они проявляются [Chaves 2010:2].

Другой полюс отношения к данной проблеме представляет позиция Р. Инглхарта и П. Норрис [Inglehart, Norris 2004] по данному вопросу: перед ними стоит задача каким-то образом решить проблему сопоставимости показателей религиозности в сравнительных кросс-культурных исследованиях, и они приходят к выводу, что основной вопрос о религии, на основании которого можно сравнивать представителей разных культур и вероисповеданий — это вопрос о важности религии (или Бога) в жизни человека. С одной стороны, он является максимально унифицированным, независимым от содержания верований для разных вероисповеданий, а с другой — хорошо коррелирует (на уровне стран) с другими показателями религиозности: «Вследствие ... разнообразия верований и ритуалов, иногда предполагается, что невозможно сравнивать религии, потому что каждая уникальна (*sui generis*). Мы согласны, что необходимо принимать во внимание различия в основных идеях, символических церемониях и специфических ритуалах, которые мы находим между мировыми религиями, деноминациями и сектами. Тем не менее, в рамках международных исследований можно сравнить определенные основные общие элементы, разде-

¹ Хотя некоторые примеры, приводимые М. Чавесом, могут быть оспорены и отнесены не на счет отсутствия согласованности, а, например, на воздействие третьего фактора, опосредующего связь между религиозностью и ее последствиями, все же сама проблема сохраняется.

ляемые основными мировыми религиями, а именно: религиозные ценности и важность религии для каждого человека, независимо от ее конкретной формы и верований. Мы также можем рассматривать основные религиозные практики ... независимо от конкретных обрядов и ритуалов, которые практикуются. ... Наш анализ показывает, что эти компоненты религии являются кросс-культурно сопоставимыми, и что они оказывают огромное влияние на мировоззрение и поведение людей» [Inglehart, Norris 2004:219]. Помимо важности религии (или Бога), можно обращаться к религиозным практикам, но, поскольку ответы на данные вопросы на макро-уровне в значительной степени связаны, во многих случаях достаточно вопроса о важности религии [Inglehart, Norris 2004:219-225].

Проблема возникает в том случае, когда сама несогласованность между разными измерениями религиозности оказывается важной характеристикой, определяющей форму зависимости между религиозностью и другими показателями, например, базовыми ценностями или поведением вне религиозного контекста.

Один из способов фиксации несогласованности является категория «веры без принадлежности», введенная Г.Дэйви, чтобы описать изменения в религиозности в Великобритании в конце 20-го века [Davie 1990]. Хотя вера сохраняется, принадлежность к церкви продолжает снижаться (Г.Дэйви включает частоту посещения церкви в понятие принадлежности и не проводит в данном случае различия между самоидентификацией и религиозной практикой): «Общая картина религиозной жизни меняется. Все больше и больше людей в британском обществе, по-видимому, хотят верить, не переводя эту веру в практики. Другими словами, некоторые аспекты религиозного поведения рабочего класса (в частности — отсутствие регулярного посещения церкви), традиционно считавшиеся исключением из правил, все в большей степени становятся обычной чертой нашего общества» [Davie 1990:463].

Остается открытым вопрос — как использовать несколько измерений религиозности для построения моделей. Одним из подходов к решению данной проблемы может быть выделение нескольких групп по совокупности различных показателей религиозности. Мы провели кластерный анализ (методом к-средних), который позволил построить сегментацию населения по степени и формам религиозности в 46 европейских странах. Значения всех исходных переменных были приведены к формату от «0» до «1»¹. Из массива данных, используемого для кластерного анализа, были исключены респонденты (6623 чел.), которые затруднились ответить на 3 или более вопроса, послуживших основанием для кластеризации. Эти респонденты анализируются как отдельная группа («неопределившиеся»). При

¹ Самоидентификация респондента с какой-либо с деноминацией и переменные, отвечающие верованиям, приводились к дихотомическому формату (1 — «да» / 0 — «нет»). Переменные, отвечающие за частоту молитвы и частоту посещения религиозных служб, были переведены в частоту в год (каждая категория частоты была заменена средним количеством в год), а затем приведены в рамки интервала от «0» до «1».

помощи кластерного анализа¹ были получены шесть групп, характеристики (центры) которых представлены в таблице 1. Кластеризация проводилась независимо от страны проживания респондента, на основе всего массива данных Европейского исследования ценностей 2008 года. Таким образом, мы получили несколько групп, каждая из которых в той или иной степени представлена в каждой стране² и в рамках разных вероисповеданий³.

Таблица 1

Сегментация по степени религиозности. Центры кластеров

	Нерелигиозные	Формально принадлежащие неверующие	Верующие без принадлежности	Слабо-религиозные	Средне-религиозные	Религиозные
Самоидентификация с вероисповеданием	0	1	0,2	1	0,9	1
Вера в бога	0,2	0	0,5	1	1	1
Вера в жизнь после смерти	0	0	1	0,3	0	1
Вера в ад	0	0	0	0	0,6	0,9
Вера в рай	0	0	0,2	0	1	1
Молитва (помимо церковных служб)	0,08	0,09	0,23	0,49	0,62	0,78
Посещение религиозных служб	0,09	0,19	0,15	0,41	0,46	0,58
Количество респондентов	10369	3847	2894	12679	5257	26117

Нерелигиозные респонденты не идентифицируют себя с каким-либо вероисповеданием, практически не молятся и не посещают религиозные службы, не верят в рай, ад и жизнь после смерти (хотя 20% из них верят в Бога). Слабо- средне- и религиозные респонденты принадлежат к определенному вероисповеданию и верят в Бога. Различаются указанные три группы по другим верованиям и интенсивности религиозных практик. Для целей дальнейшего анализа группа, характеризующаяся наибольшей степенью религиозности, была разделена на две части с выделением ядра —

¹ Использовалось попарное удаление пропущенных данных, что позволило включить в анализ респондентов, затруднившихся ответить на незначительное число вопросов (1 или 2).

² Можно выделить несколько групп стран, а именно: нерелигиозные Восточная Германия, Эстония, Чехия; высокорелигиозные Турция, Сев. Ирландия, Сев. Кипр, Косово, Азербайджан и некоторые другие. Также выделяется группа стран с высокой долей новых форм религиозности — веры без принадлежности к какой-либо определенной деноминации и высокой долей идентифицирующих себя с определенной деноминацией, но лишь формально: Дания, Швеция, Норвегия, Люксембург, западная Германия. В России доля нетрадиционных форм религиозности, по нашим результатам, относительно низка (в сумме по двум группам составляет 6%). Тем не менее, высока доля неопределившихся — 20% затруднились ответить на три или более из указанных вопросов. Хотя многие представители данной группы относят себя к православному вероисповеданию, они затруднились указать, во что именно они верят.

³ В частности, такой подход рекомендуют использовать при исследовании базовых ценностей европейцев В.С. Магун и М.Г. Руднев [напр.: Магун, Руднев 2010].

очень религиозных респондентов (11858 чел.) по следующим жестко заданным критериям: принадлежность к определенному вероисповеданию, вера в Бога и посещение религиозных служб один раз в неделю или чаще.

Также были выделены две специфические группы, в религиозности которых прослеживается разного рода несогласованность: во-первых, верующие без принадлежности к деноминации (респонденты, верящие в жизнь после смерти, половина из них также верит в Бога, 20% — в рай, однако большинство из них не принадлежат ни к какой религиозной деноминации) и, во-вторых, лишь формально принадлежащие к определенному вероисповеданию (при этом не верящие ни в Бога, ни в жизнь после смерти, ни в рай, ни в ад, редко посещающие религиозные службы и молящиеся).

С целью установить характеристики связи между религиозностью и толерантностью к осуждаемым религией формам поведения, на первом этапе анализа осуществлялось построение ряда линейных регрессий на индивидуальном уровне (см. таблицу 2) для изучения связи между религиозностью и толерантностью с выравниванием целого ряда других переменных (группа, к которой относится страна проживания респондента, социально-демографические показатели и вероисповедание)¹.

В рамках всего массива данных фиксируется слабая связь религиозности и толерантности к осуждаемым религией формам поведения (при построении простой линейной регрессии на уровне индивидов $R^2=0,17$), при включении в модель страны проживания или вероисповедания и некоторых социально-демографических характеристик R^2 повышается до 0,34.

Результаты анализа позволяют увидеть интересный эффект: в целом, с повышением уровня религиозности снижается толерантность к осуждаемым религией формам поведения, но только в том случае, если религиозность представляет собой внутренне непротиворечивый, согласованный феномен. В двух группах, характеризующихся противоречиями или несоответствием в разных измерениях религиозности (самоидентификация, вера и практики), толерантность к нарушению предписываемых религией социальных норм даже выше, чем в группе нерелигиозных европейцев. Этот эффект остается стабильным при включении ряда контрольных переменных и ослабевает, когда мы включаем в модель страну проживания респондента.

¹ Мы не можем включить в одну модель одновременно страну проживания и вероисповедание респондента, поскольку эти две переменные в значительной степени связаны друг с другом. Среди социально-демографических факторов мы выделяем два наиболее сильно связанных с отношением к социальным нормам, а именно — возраст и уровень образования. Включение в анализ других социально-демографических переменных не дало существенного прироста качества модели и не изменило результаты по основным переменным.

Таблица 2

Коэффициенты (b) в линейных регрессионных моделях*

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Константа	0,43	0,88	0,83	0,47	0,52
Верующие без принадлежности	0,33	0,15	0,12	0,28	0,24
Формально принадлежащие неверующие	0,28	0,00 (n.s.)	0,01 (n.s.)	0,25	0,23
Слаборелигиозные	-0,27	-0,27	-0,26	-0,09	-0,08
Неопределившиеся	-0,41	-0,30	-0,29	-0,24	-0,25
Среднерелигиозные	-0,48	-0,42	-0,39	-0,30	-0,28
Религиозные	-0,69	-0,60	-0,59	-0,37	-0,37
Очень религиозные	-0,94	-0,86	-0,79	-0,73	-0,66
Скандинавские страны		0,32	0,26		
Средиземноморские страны		-0,59	-0,53		
Постсоветские страны		-0,84	-0,92		
Другие пост-социалистические страны		-0,67	-0,69		
Возраст			-0,006		-0,007
Уровень образования			0,61		0,48
Католицизм				-0,09	-0,05
Протестантизм				0,29	0,32
Ислам				-0,80	-0,81
Православие				-0,55	-0,55
Другие вероисповедания				-0,17	-0,16
R2	0,17	0,30	0,34	0,26	0,30

*Все коэффициенты, кроме отмеченных как «(n.s.)», значимы: $p < 0,001$. Исключенные категории дамми-переменных: для религиозности — нерелигиозные, для страны проживания — Западноевропейские страны, для вероисповедания — отсутствие вероисповедания.

Таким образом, несогласованность феномена религиозности, непоследовательность, характеризующая отношение представителей этих двух групп к религии, находит свое выражение в том, что представители этих групп чаще склонны оправдывать нарушения предписываемых религией норм, чем люди нерелигиозные. Таким образом, несогласованность феномена религиозности может быть важным показателем, определяющим влияние религиозности на установки, ценности и практики, и должна, наряду с другими показателями религиозности, включаться в социологический анализ.

Библиографический список

1. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. WP6 «Гуманитарные исследования», М.: ГУ ВШЭ, 2010.
2. Чеснокова В.Ф. Воцерковленность. Феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С.112-145.
3. Allport G.W. Religion and Prejudice // The Nature of Prejudice, Cambridge, Addison-Wesley, 1954.
4. Chaves M. Rain Dances in the Dry Season: Overcoming the Religious Congruence Fallacy // Journal for the Scientific Study of Religion, Vol. 49, No. 1 (2010), pp. 1-14.
5. Davie G. Believing without Belonging: Is This the Future of Religion in Britain? // Social Compass, Vol. 37, No. 4 (Dec., 1990), pp. 455-469.
6. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. London: George Allen and Unwin Ltd., 1964.
7. Faulkner J.E., de Jong G.F. Religiosity in 5-D: An Empirical Analysis // Social Forces, Vol. 45, No. 2 (Dec., 1966), pp. 246-254.
8. Glock Ch.Y. On the Study of Religious Commitment // Religious Education, Research Supplement, Vol. 42 (Jul.-Aug., 1962), pp. 98-110.
9. Hill P.C. Measurement in the psychology of religion and spirituality // Handbook of the psychology of religion and spirituality. / eds.: Paloutzian R.F., Park C.L. New York, London: Guilford Press, 2005, pp. 43-61.
10. Hill P.C., Hood R.W. Jr. Measures of Religiosity. Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1999.
11. Inglehart R., Norris P. Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide. Cambridge University Press, 2004.

Равлик М. В., Санкт-Петербург

Межстрановой анализ факторов международной миграции

Аннотация

Данная статья рассматривает факторы и причины иммиграционного процесса. В частности, основной задачей исследования является поиск ответов на следующие вопросы: какие факторы в целом привлекают иммигрантов при выборе конкретной страны, и может ли миграция быть объяснена культурными, психологическими и политическими факторами. В последние годы наблюдается потребность в новых подходах к исследованиям миграции, все больше отходят от неоклассической экономической теории, ранее доминировавшей в большинстве исследований. Первоначальный замысел данного проекта заключался в том, чтобы объяснить феномены миграции с помощью социально-культурных аспектов. Но так как международная миграция является очень сложным и многомерным явлением, его исследование должно включать в себя различные области наук: демографию, географию, экономику, статистику, социологию, политологию. Применяя количественные методы в данном исследовании, авторы пытаются объяснить основные причины и тенденции миграции.

Ключевые слова: доля мигрантов, регрессионный анализ, push&pull факторы, колониальное прошлое, образовательные уровни мигрантов

Одна из проблем, с которой сталкиваются исследователи миграции, является попытка исследователей объяснить модели движения людей. В частности, если миграция является лишь реакцией на разницу в доходах, то трудно объяснить, почему многие добившиеся успеха мигранты предпочитают возвратиться на родину. Если бы миграция была обусловлена только различиями в заработках, тогда мы могли бы ожидать значительного перемещения людей из бедных стран в богатые и незначительной миграции, например, внутри развитых стран. Но ни одна из этих моделей не выдерживает комплексной проверки. Теории миграции, фокусирующие внимание на чисто экономических факторах, неспособны охватить более широкий социальный контекст, в котором принимаются решения. Кроме

того, очевидно, что сопоставления различных данных очень затруднительны, например, из-за различия в определении и восприятии понятия «мигрант» как такового.

В современных исследованиях нет четкого ответа на вопрос, почему мигранты предпочитают одни страны другим. В настоящее время не существует какого-либо согласованного мнения либо признанной учеными теории о причинах и факторах международной миграции, но при этом существует целый ряд теорий, разработанных в изоляции друг от друга.

Теоретические аспекты изучения миграции

Причины миграции (т. н. push факторы [1, с.47-51]) изучены достаточно широко, и наши знания о том, почему мигранты решили покинуть свою страну происхождения, кажутся состоятельными.

Что касается *факторов притяжения мигрантов* (pull факторы [1, с.52-54]), а именно вопроса, что привлекает мигрантов в те или иные страны, то здесь можно выделить, по крайней мере, три подхода к объяснению факторов, определяющие привлекательность страны для мигрантов.

Культурные и системные теории [2, с.1245-1282] указывают на то, что миграции являются зеркалом отношений между главными и периферийными странами в мировой системе. Экономические теории и теории труда [3, с.8-13] предполагают, что мигранты реагируют на потребности в рабочей силе на рынке труда, что обеспечивает равновесие на рынке труда, как в стране их происхождения, так и в стране, в которую они направляются. Мигрантам свойственно стремиться к перемещению из периферии к центру, хотя бы исходя из языковых предпосылок или культурной гегемонии.

С позиций теорий социального капитала/социальных сетей мигрантов [3, с.6-8], в основном, привлекает тот факт, что другие мигранты из той же этнической группы уже обосновались в принимающем обществе, что позволяет обеспечить повысить потенциальную адаптацию и упростить поиск места работы.

Одной из наиболее широко известных теоретических концепций в миграционных исследованиях для объяснения причин миграции, особо востребованной в экономических моделях миграции, является так называемая *теория push&pull факторов*, впервые описанная в 1966 году Э. Ли [1, с.47-57]. Его теория объясняла миграцию, как явление, происходящее под воздействием факторов, выталкивающих из страны происхождения (push) и факторов, притягивающих людей в другую страну (pull).

Список push факторов включает в себя экономические, социальные и политические трудности, в то время факторы, привлекающие мигрантов, включают в себя сравнительные преимущества в, зачастую, более богатых странах. Комбинации push и pull факторов определяет размер и направление потоков. Базовым предположением является то, что в наиболее неблагоприятном для жизни месте более вероятен рост миграции.

Неоклассическая макроэкономическая теория объясняет развитие трудовой миграции в рамках общего процесса экономического развития. К числу ее авторов причисляют Э. Льюиса [5, с.1-31] и позднее Д. Мэсси [6, с. 431–466]. Различия в заработной плате, вызванные различиями в пропорции труда к капиталу, побуждают работников в странах с низкой заработной платой мигрировать в страны с высокой заработной платой, стремясь максимально увеличить индивидуальные доходы. Миграция позволяет уменьшать различия в уровнях заработной платы, в конечном итоге приводит к равновесию, при котором оставшаяся разница в заработной плате отражает материальные и нематериальные расходы перемещения. В этой теории, которая сосредотачивается полностью на рынках труда, различия в заработной плате измеряются в показателях ставки заработной платы в стране отправления и прибытия как основные независимые переменные.

Также значимой и актуальной для современного мира представляется теория двойных рынков труда (*The dual labour markets theory*), предложенная М. Пиором [10, с. 86-110]. Данная теория описывает искусственную сегментацию рынка труда: местное население определяет для себя более предпочтительные и комфортные виды профессий, в то время как иммигрантам остаются непривлекательные рабочие места (зачастую, более тяжелые и опасные). Таким образом, данная теория подчеркивает значимость труда иммигрантов для развитых стран, где такое явление более распространено. Рыночные факторы труда в принимающих странах скорее, чем в странах происхождения, влияют на миграционные процессы.

Сравнительно мало внимания при анализе факторов и аспектов миграции уделено объяснению направлений миграционных потоков. К примеру, опыт и взаимосвязь бывших колониальных стран зачастую продолжают существовать в миграционных потоках долгое время после того, как формальный период колонизации закончился [12, с. 457-480]. Этот факт позволяет исследователям утверждать, что, если миграционная взаимосвязь уже была создана ранее, то последующее наличие родственников, друзей, и / или других людей из той же общины, схожих по происхождению, может создавать сильный стимул при выборе конкретного пункта назначения. Эти и другие факторы, связанные с объяснением миграции и направлением потоков, постепенно оказались включенными в объем теоретических знаний по вопросам международной миграции. При анализе миграции современные теории по-прежнему во многом базируются на экономических основаниях, но расширение рамок анализа факторов миграции позволяют ответить на вопрос, почему миграция существует, развивается и даже увеличивается, несмотря на высокий уровень безработицы в принимающих странах, ужесточение политики приема, и все более негативное отношение к мигрантам во всем мире.

Все вышеупомянутые теории были использованы для формулирования гипотез исследования.

Гипотеза 1: *Увеличение количества мигрантов на душу населения наиболее вероятно наблюдается в тех странах, в которых государственным приоритетом являются личные свободы человека и возможности для максимальной реализации его потенциала.*

Гипотеза 2: *Увеличение доли количества мигрантов на душу населения наиболее вероятно в тех странах, в которых иммигранты повышают качество и уровень своей жизни по сравнению со странами, из которых они эмигрировали.*

Гипотеза 3: *Наличие стран, существовавших в рамках одного колониального пространства, положительно влияет на процессы миграции внутри этих стран.*

Регрессионные модели, объясняющие миграционные процессы в мире

Эмпирической базой исследования послужила база данных ООН о международной миграции - United Nations International Migration 2010. Поскольку эта база ограничена в наборе независимых переменных (численность мигрантов, доля от числа мигрантов в мире, годовой прирост, численность беженцев, количество денежных переводов), которые можно использовать для подтверждения гипотез, было собрано большее количество различных характеристик стран мира и расширена первоначальная база данных. Таким образом, собрав воедино данные ООН, Всемирной книги фактов ЦРУ (CIA Factbook), World Values Survey, Freedom House, Всемирного банка (The World Bank) была получена база данных, содержащая 179 стран и 28 независимых предикторов, способных оказать значимое влияние на приток мигрантов.

Зависимая переменная:

- Количество мигрантов на душу населения.

Независимые переменные:

- Размер населения страны.
- Прирост населения.
- Заработная плата.
- ВВП на душу населения.
- Образовательные уровни мигрантов (процент мигрантов с низким, средним и высшим образованием).
- Уровень безработицы.
- Коэффициент Джини.
- Индекс нищеты населения.

- Индекс соблюдения гражданских свобод (Freedom House).
- Индекс соблюдения политических прав граждан (Freedom House).
- Индекс верховенства закона (The World Bank).
- Индекс права голоса и подотчетности (The World Bank).
- Индекс восприятия коррупции (Transparency International).
- Индекс экономической свободы (The Heritage Foundation).
- Принадлежность к международным организациям (Европейский Союз, ОПЕК, АТЕС и т. д.).

Все вышеуказанные переменные относятся к атрибутам принимающих стран (receiving countries). Однако анализ был бы неполным без добавления характеристик отправляющих стран (sending countries). Существует матрица двусторонних миграционных потоков, которая содержит данные о большинстве перемещений мигрантов между странами [13, с. 37-43]¹. Однако данная матрица содержит достаточно большое количество пустых ячеек (например, мигранты из большинства высокоразвитых стран редко переезжают в бедные страны третьего мира). Именно поэтому было решено взять топ-5 стран происхождения мигрантов или т. н. отправляющих стран для каждой конкретной страны, в которую прибывают мигранты. Эти потоки содержат 70-90% от общего числа иммигрантов в стране. Специальная матрица, каждая строка которой (принимающая страна) имеет информацию о топ-5 странах отправления, была построена, чтобы принимать во внимание характеристики стран, откуда приезжают мигранты. Посредством среднего взвешенного определяется нужный индекс в странах отправления, который может использоваться как самостоятельная единица (к примеру, показатель, характеризующий средний уровень ВВП стран чаще всего отправляющих мигрантов в Англию, а именно: Индия, Ирландия, Пакистан, Польша и Германия).

Для того чтобы проверить гипотезы, обозначенные выше, используя новую матрицу, были созданы следующие переменные:

- Разница в индексе развития человеческого потенциала между принимающими и отправляющими странами (Human Development Index);
- Разница в индексе человеческой безопасности между принимающими и отправляющими странами (Human Security Index);
- Общие колониальные отношения между принимающими и отправляющими странами;
- Общий официальный язык между принимающими и отправляющими странами.

¹ URL: www.worldbank.org/prospects/migrationandremittances.

Индекс развития человеческого потенциала является мерой образования (количество лет обучения и уровень грамотности), здравоохранение (продолжительность жизни) и доходов страны (доходы на душу населения). ИРЧП измеряет уровень жизни в странах мира¹.

Индекс человеческой безопасности представляет собой комбинацию 30 различных экономических, экологических и социальных показателей (например, ВВП, равного распределения доходов, политической и финансовой безопасности, охраны окружающей среды и защитой государства и другие)².

Переменная «общие колониальные отношения между странами» основана на индексе колоний и зависимых территорий³. Все типы общего колониального прошлого с начала 20-го века были добавлены в матрицу данных. Переменная «общий официальный язык» построена на данных «Всемирной книги фактов ЦРУ».

Так как мы, получив информацию о странах отправления и назначения, можем рассчитывать разницу между этими странами. Опираясь на это различие, мы можем доказать гипотезу, что иммигранты перемещаясь из одной страны в другую, пытаются добиться наилучшего качества жизни и улучшения ее условий.

При построении двумерных моделей, было обнаружено, что почти все факторы оказывают значительное влияние на приток иммигрантов. Однако с ростом сложности моделей и использования множественной линейной регрессии ряд факторов, оказывающих значимое влияние, снижается. В результате пошагового отбора моделей мы видим следующие результаты (см. таблицу 1). Эти модели включают в себя социальные, экономические и политические факторы.

Таблица 1

Регрессионные коэффициенты и коэффициенты детерминации для комплексных аддитивных модели (в скобках указаны значения t-теста)

Независимые переменные	Зависимая переменная: доля мигрантов от общего населения, 2010 год		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Население страны, тыс. чел, 2010	-0.28*** (-4,6)	-0.36*** (-5,2)	-0.29*** (-4,8)
Разница ИРЧП между отправляющими и принимающими странами	4,47*** (3,4)	3,57** (2,7)	3,17* (2,5)
Разница индекса человеческой безопасности между отправляющими и принимающими странами	4,53* (2,4)	1,34 (0,6)	1,45 (0,8)
Индекс верховенства закона	-	0,47*** (3,5)	0,72*** (3,5)

¹ URL: <http://hdr.undp.org/en/statistics/hdi/>.

² URL: http://www.humansecurityindex.org/wordpress/wp-content/uploads/2012/02/hsiv2-documentation-report1_1.pdf.

³ URL: <http://www.worldstatesmen.org>.

Продолжение таблицы 1

Независимые переменные	Зависимая переменная: доля мигрантов от общего населения, 2010 год		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Экспортирующие нефть страны	-	0.84 [†] (2,2)	0.86 [†] (2,2)
Индекс права голоса и подотчетности			-0.31 (-1,7)
Общие колониальные отношения между странами			0.79 ^{**} (2,6)
Скорректированный R2	0,36	0,42	0,45
Общее количество стран	138	138	138

Как видно из результатов регрессионного анализа, есть некоторые наиболее влиятельные факторы, такие как численность населения, разница ИРЧП, индекс верховенства закона, страны-экспортеры нефти и общие колониальные отношения. На макро-уровне миграционные процессы управляются множеством экономических и неэкономических факторов, а на микроуровне мигранты мотивированы сочетанием нескольких, связанных между собой, но аналитически различных социальных, культурных, экономических и политических факторов.

Привлекательность малых стран можно отчасти объяснить высоким уровнем жизни в них, гибкой и привлекательной налоговой политикой, простыми и понятными механизмами малого бизнеса и торговли, социальной защитой и льготами, высокими шансами при поиске работы для низкоквалифицированных работников в туристической индустрии.

Одним из очевидных предложений является то, что в подобных странах отсутствуют признаки национализма. Географические, политические и экономические факторы также помогают гражданам малых стран оставлять в стороне идеологические вопросы. Мигранты чувствуют себя под меньшим давлением, т. к. принимающая сторона более гостеприимна, что помогает в процессе адаптации, а также при необходимости соответствовать ожиданиям, как самих мигрантов, так и местных жителей. Мы можем также сослаться на мнения различных ученых, которые заявили, что численность населения также имеет значение: «чем больше людей в стране-отправителе, тем больше людей могут мигрировать, и чем больше населения в стране, тем больше труда рынка для иммигрантов» [14, с. 164-167].

Другим важным фактором миграции в малые страны является обеспечение безопасности. Международная политика, и в первую очередь вопросы безопасности, терроризма не являются серьезной проблемой для местных жителей. Таким образом, мигранты имеют возможность иметь дело только с жизненными, бытовыми проблемами, сосредотачиваться только на себя, отвлекаясь от таких глобальных проблем, как безопасность. Например, страны с высоким индексом верховенства закона могут быть привлекательным в связи с их гарантиями защиты прав человека. Вопросы

защиты также играют важную роль в миграционных процессах. Именно поэтому гарантии социальной защиты являются не менее важными требованиями. Аналогичным образом страны с высоким индексом развития человеческого потенциала привлекают иммигрантов высоким качеством условий для комфортной адаптации в связи с хорошо развитой инфраструктурой в этих странах, высоким образовательным уровнем и качеством самого образования. Страны с колониальными связями имеют не только общие исторические, но также и культурные связи. Очевидно, это также способствует лучшей адаптации в принимающей стране.

Таким образом, в работе проверены и подтверждены на эмпирических данных основные причины, побуждающие людей совершать международные перемещения. Однако некоторые исследовательские вопросы остаются открытыми, они требуют другого типа данных, другого набора переменных и другого методологического подхода, над которым я собираюсь работать в дальнейшем. Поскольку комплексное понимание миграционных процессов принципиально для осознания и понимания не только основ поведения человека, но и теории миграции в целом.

Библиографический список

1. Lee, E. S. (1966). A Theory of Migration. *Demography*, 3(1): 47-57.
2. Eytan Meyers (2000). Theories of International Immigration Policy-A Comparative Analysis. *International Migration Review*, Vol. 34, No. 4.
3. Bijak J. (2006). Forecasting International Migration: Selected Theories, Models, And Methods. Central European Forum For Migration Research. CEFMR Working Paper.
4. Öberg, S. (1996). Spatial and Economic Factors in Future South-North Migration. In: W. Lutz (ed.), *The Future Population of the World: What Can We Assume Today?* Earthscan, London: 336-357.
5. Lewis, A. W. (1954). *Economic development with unlimited supplies of labour*. School of Economic and Social Studies, Manchester.
6. Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., and Taylor, J. E. (1993). Theories of International Migration: Review and Appraisal. *Population and Development Review*, 19(3): 431-466.
7. Harris, J. R., and Todaro, M. P. (1970). Migration, unemployment and development: A two sector analysis. *American Economic Review*, 60(1): 126-142.
8. Stark, O. (2003). *Tales of Migration without Wage Differentials: Individual, Family and Community Contexts*. ZEF Discussion Paper on Development Policy No. 73. Zentrum für Entwicklungsforschung, Bonn.

9. Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., and Taylor, J. E. (1993). Theories of International Migration: Review and Appraisal. *Population and Development Review*, 19(3).
10. Piore, M. J. (1979). *Birds of passage: Migrant labour in industrial societies*. Cambridge University Press, Cambridge.
11. Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., and Taylor, J. E. (1993). Theories of International Migration: Review and Appraisal. *Population and Development Review*, 19(3).
12. Fassmann, H., Munz, R., Patterns and trends of international migration in Western Europe. In: *Population and Development Review*, vol.18, no. 3, pp. 457-480, 1992.
13. Ratha, Dilip K., and William Shaw (2006). «South-South Migration and Remittances». Development Prospects Group, World Bank.
14. Lewer, J.J. and Van den Berg, H. A Gravity Model of Immigration. *Economics Letters* 99:1 (April 2008), pp. 164-167.

Щербак А. Н., Санкт-Петербург

Культура имеет значение? Сравнительный анализ значения толерантности для модернизации

Аннотация

Работа посвящена изучению взаимосвязи между толерантностью и модернизацией. Предполагается, что рост толерантности, выражаемый в толерантном отношении к гендерному равенству, этническим и сексуальным меньшинствам, значительным образом влияет на успех модернизации. Модернизация понимается в «узком» смысле — как экономическая и технологическая модернизация. Работа основана на культурно-модернизационном подходе Р.Инглхарта и на концепции «креативного класса» Р.Флориды. Как показано в работе, толерантность действительно оказывает значительное влияние на модернизацию, причем самым важным фактором оказывается гендерное равенство. Толерантное отношение к сексуальным и этническим меньшинствам играет менее значительную роль. Каузальным механизмом, связывающим толерантность и модернизацию, является наличие сильных политических институтов. Выделено две модели модернизации: Толерантная и Догоняющая модели. Первая модель делает акцент на инновациях, высоком уровне толерантности и сильных политических институтах, вторая — на инвестициях, низком уровне толерантности и слабых политических институтах. Каузальная связь между важнейшими переменными (толерантность и модернизация) в результате использованных тестов оказалось именно в направлении от толерантности к модернизации.

Ключевые слова: модернизация, толерантность, гендерное равенство, институты

Для большинства стран мира модернизация в той или иной форме является важной составляющей политической повестки дня. Как у политиков, так и у экспертов возникает масса вопросов на тему того, как объяснить те или иные траектории модернизации в разных странах. Почему у одних

стран модернизация получается успешной, а у других нет? Какие факторы влияют на успех модернизации, в том числе на современном этапе? Данная работа посвящена поискам ответа на один из таких вопросов. Какая связь существует между модернизацией и культурой, в целом, и модернизацией и толерантностью — в частности? Важна ли культура, важна ли толерантность как составная часть культуры, для модернизации?

В своей работе я использую теорию модернизации Рональда Инглхарта и концепт «креативного класса» Ричарда Флориды. В социальных науках понятие модернизации, в общем, относится к процессу перехода разных стран к современным обществам, что предполагает создание или заимствование западных социальных институтов. В рамках этого широкого подхода существуют различные модели, которые делают акцент на разнообразных аспектах модернизации, что приводит к разным интерпретациям данного понятия. Часть теорий фокусируется на социально-экономических аспектах модернизации (индустриализация, урбанизация, распространение образования, рост доходов и т. д.), другие обращают внимание на риски модернизации (политическая нестабильность, правительственные кризисы, рост политического насилия и т. д.). В данном случае речь идет об основных аргументах концепции «догоняющей модернизации» и наличия необходимых политических условий для быстрого экономического развития. Анализу этих проблем посвящены работы С.Липсета [Lipset, 1960], С.Хантингтона [Huntington, 1968], А.Пшеворского, М.Алвареса, Ж.Чейбуа, Ф.Лимонжи, [Przeworski, Alvarez, Cheibub, Limongi, 2000], М.Олсона [Olson, 1993].

Понятие модернизации может быть применено в равной мере к фазе индустриализации, т. е. перехода от аграрной экономики к индустриальной, так и фазе пост-индустриализации, т. е. перехода от индустриальной экономики к пост-индустриальной. Пост-индустриальная экономика обычно определяется как инновационная экономика или экономика знаний. Можно отметить следующие базовые отличия данной экономики. Все большая доля прибавочного продукта создается в инновационном секторе, что может быть измерено через долю высокотехнологичных товаров в экспорте. Наука и технология оказываются движущей силой экономического роста пост-индустриальных обществ.

В данной работе модернизация понимается в «узком» смысле — как экономическая и технологическая модернизация, что, на мой взгляд, в значительной степени отражает представление о модернизации у большинства политиков и государственных деятелей в России и за рубежом. С этой точки зрения, прогресс модернизации основывается на двух факторах: инновациях и инвестициях. Государства, согласно данной модели, должны как создавать и развивать инновационную и технологическую базу, так и поддерживать высокий уровень инвестиций. Успех стран на пути модернизации может быть определен таким образом: высокая доля инновационной экономики (или экономики знаний) в ВВП и высокий уровень инвестиций.

В этой парадигме, тем не менее, возможны два пути к модернизации: а) страны с относительно большим инновационным сектором и относительно низким уровнем инвестиций, и б) страны с относительно малым

инновационным сектором, но высоким уровнем инвестиций. Первая модель в большей степени подходит для описания развитых стран («первая волна модернизации»), вторая модель — для стран «догоняющей модернизации».

Связь между модернизацией и системой ценностей, и в частности — модернизацией и толерантностью является одной из популярнейших тем в современной политической науке. Рональд Инглхарт, используя данные проекта *World Values Survey* (Всемирный опрос ценностей, далее — WVS), показал, что существует причинно-следственная связь между экономическим ростом и сменой ценностей в различных обществах: есть четкая положительная корреляция между распространением ценностей самовыражения и ростом доходов. Переход к пост-индустриальному экономическому росту, который основывается на инновациях и технологическом прогрессе, требует смены системы ценностей в обществе [Inglehart, 1997].

Концепция Р.Инглхарта предполагает наличие двумерной системы культурных координат, включающих две шкалы измерения ценностей: 1) «традиционные — секулярно-рациональные», 2) «ценности выживания — самовыражения». Традиционные ценности включают в себя акцент на важности религии, уважении и повиновении властям; отрицательное отношение к разводам и абортам, и высокий уровень национальной гордости. Секулярно-рациональным ценностям соответствуют противоположные характеристики.

Ценности выживания делают акцент на экономической и физической безопасности и конформизме. Ценности самовыражения включают такие ценности, как свобода выражения, политическое участие, политический активизм, защита окружающей среды, гендерное равенство, толерантность по отношению к этническим и сексуальным меньшинствам. Чем больше распространены ценности самовыражения, тем больше поддержки находят идеи индивидуальной свободы во многих ее проявлениях. Это измерение можно также охарактеризовать как «материализм — постматериализм».

Согласно концепции Р.Инглхарта, изменения в культуре, смена ценностей неотделимы от процесса модернизации. Первый переход приводит к отходу от традиционных ценностей к секулярно-рациональным ценностям, обычно он соответствует первой фазе модернизации — индустриализации, то есть переходу от аграрных обществ к индустриальным. Второй культурный переход приводит к отходу от ценностей выживания к ценностям самовыражения и ассоциируется с пост-индустриальной модернизацией. Этот этап сопровождается созданием более открытых политических институтов, обретением гражданами широкого спектра политических прав и свобод, ростом толерантности и развитием демократизации.

Толерантность ассоциируется с пост-индустриальным обществом, экономика которых основывается на знаниях. Создание инновационной экономики — это желаемая цель многих правительств, стран, обществ. Пост-индустриальная экономика, скорее всего, появится и будет успешно

развиваться именно в пост-индустриальных обществах. Иными словами, без распространения пост-индустриальных ценностей едва ли можно построить пост-индустриальную экономику.

Инновационная экономика, «креативный класс» и толерантность

Инновационная экономика сильно связана с развитием человеческого капитала, что означает, что именно люди являются основным источником пост-индустриального экономического роста. Эта идея была очень ярко выражена в концепции «креативного класса» Ричарда Флориды. Флорида предложил идею нового социального класса – «креативного класса», который, по его мнению, является движущей силой экономического роста в современном обществе. Креативный класс является носителем креативности – то есть, способности создавать новые идеи, технологии, рынки, компании и т. д., что является основой для экономического роста в инновационной экономике. В данный класс, по мнению Флориды, входят люди, занятые в креативных профессиях: наука, технологии, искусство, дизайн, шоу-бизнес, мода, журналистика, музыка и т. д., чья экономическая функция – это создание новых идей, новых технологий и/или креативного контента. Креативный класс также включает в себя творческих профессионалов в сфере финансов, бизнеса, права, здравоохранения и других сфер. Крайне важным является тот факт, что все эти люди объединены особым креативным этосом, который делает упор на поддержку таких ценностей как творчество, индивидуальность, различия и заслуги [Florida, 2002: 8]. Представители креативного класса, даже из разных профессий, устанавливают связи между собой, обмениваются новыми идеями, вместе рожают новые проекты. Недаром в Калифорнии находятся как Силиконовая долина, так и Голливуд. Креативные люди тянутся друг другу, поэтому и возникает миграция из одних городов/регионов в другие; какой регион смог привлечь как можно больше креативных людей, тот и получит существенное конкурентное преимущество в построении инновационной экономики. Согласно этой концепции, чем больше доля креативного класса в том или ином обществе, тем выше темпы роста создания/развития пост-индустриальной экономики. Задача правительств в этих условиях – создавать условия, благоприятствующие появлению, привлечению и развитию креативного класса.

Способность к креативности – это особое качество, которое по определению довольно трудно регламентировать. Поэтому это требует особого подхода работодателей к организации труда креативного класса, где поощряются все вышеназванные качества. В его среде приветствуется нонконформизм, индивидуальный подход, выход за рамки дозволенного, простота в общении, акцент на горизонтальных сетях, а не на вертикальной иерархии, поиск своего стиля во всем. Согласно Флориде, компании «новой экономики» в первую очередь идут туда, где есть много представи-

телей креативного класса. При выборе стран и регионов для своей деятельности им нужны прежде всего не выгодные условия и налоговые льготы от правительств, а более высокая доля представителей креативного класса.

Флорида утверждает в своей книге, что экономический рост основан на трех «Т»: талант, технологии и толерантность, во многом потому, что эти факторы притягивают креативный класс. Под «талантом» понимается распространение высшего образования (доля людей с дипломом не ниже бакалавра); под технологией понимается уровень научно-технической базы. С этой точки зрения, распространение ценностей самовыражения может рассматриваться как важное условия для расширения доли креативного класса в том или ином обществе [Florida and Mellander, 2010; Mellander and Florida, 2006; Florida, Mellander, Stolarick, 2008].

Почему важна толерантность? Толерантность рассматривается как основной индикатор наличия низких входных барьеров для развития креативного класса, принятия разнообразия в обществе, наличия новых возможностей. Креативный класс верит, что высокий уровень толерантности благоприятствует креативности: толерантность помогает устанавливать связи между творческими сетями людей различных профессий и занятий, ее наличие является само по себе сигналом, что все новые идеи и предложения будут выслушаны и приняты [Florida, 2002: 249].

Что такое толерантность и как ее измерять?

Как понимается толерантность в социальных науках? Существует множество способов измерять толерантность. Например, Р.Флорида предложил два индекса: Гей Индекс (*Gay Index*) и Индекс Богемы (*Bohemian Index*). Он утверждает, что *Gay Index* является хорошим инструментом для измерения разнообразия, так как сексуальные меньшинства были традиционно подвержены высокому уровню дискриминации. Открытость в отношении сексуальных меньшинств является хорошим индикатором наличия низких барьеров для человеческого капитала [Florida, 2002: 255-56]. Согласно результатам исследований Флориды, те же места, которые являются центрами инновационной экономики, являются крайне популярными для проживания гей-сообщества.

Флорида также утверждает, что открытость иммиграции крайне важна для экономического роста на основе инноваций. Города и регионы, которые способны привлечь иммигрантов могут рассматриваться как открытые и разнообразные, поэтому они будут привлекать творческих и амбициозных людей со всего света. Согласно Флориде, примерно одна четверть всех новых бизнесов Силиконовой долины с 1990 года была основана иммигрантами [Florida, 2002: 252].

Гендерное равенство является одним из ключевых индикаторов измерения толерантности. Ряд исследований показывает, что гендерное равенство прочно связано с модернизацией и демократизацией [Inglehart, Norris, Welzel, 2002]. Расширение прав женщин оказывается существенной

чертой модернизирующихся обществ. Гендерное равенство - это центральный компонент смены системы ценностей в пост-индустриальных странах. В современных пост-индустриальных обществах гендерные роли претерпевают существенные изменения из-за структурной революции на рынке труда, из-за расширения возможностей получения образования для женщин и изменений в укладе современной семьи [Inglehart, Norris, 2003: 39].

Исходя из этого, я определяю толерантность в данной работе через гендерное равенство, отношение к сексуальным и этническим меньшинствам. Чем больше доля толерантных установок по этим вопросам, тем выше в обществе уровень толерантности. Я считаю, что эти три фактора способствуют снижению входных барьеров для развития креативного класса. Государства и общества, которые предоставляют равные возможности для женщин, являются открытыми для представителей этнических и сексуальных меньшинств, будут привлекательны для творческих людей. Увеличение доли креативного класса в социальной структуре общества станет движущей силой нового витка экономического роста. Инновационная экономика творится людьми, более того, она творится творческими людьми. Я предполагаю, что толерантность оказывает сильное положительное влияние на технологическую модернизацию.

Сразу возникает другой вопрос: как можно объяснить причинно-следственную связь между толерантностью и технологической модернизацией? Какой можно выявить каузальный механизм? Я предполагаю, что сильные политические институты являются важнейшим промежуточным звеном между толерантностью и модернизацией. Ряд исследований, проведенных на базе проекта WVS, показали это [e.g., Inglehart, 1997; Inglehart, 2003]. Толерантность ведет к распространению ценностей самовыражения, что оказывает влияние на институты: рано или поздно в обществе происходит установление открытых политических институтов. Граждане оказываются более приверженными демократическим ценностям, и в итоге политическая система становится более открытой и демократической. Я предполагаю, что сильные политические институты – прежде всего, наличие демократического политического режима, верховенство права, контроль коррупции, качество бизнес-среды – оказывают сильное влияние на систему ценностей в обществе.

Эти институты создают дружественную инновациям среду, которая необходима для деятельности креативного класса. Исследования того же Флориды показали, что креативный класс крайне чувствителен к данной среде, так как для его представителей важны не только высокие доходы, но также самовыражение, дух творчества, уважение к другим индивидуальностям и идентичностям. Поэтому сильные институты важны для появления, удержания и развития креативного класса.

Цель данной работы – проверить предположение, что толерантность позитивно влияет на экономическую модернизацию. Ключевыми индикаторами для измерения толерантности являются гендерное равенство, отношение к гомосексуалистам и отношение к иностранцам/мигрантам. В качестве объяснительного механизма, связывающего толерантность и модернизацию, я рассматриваю качество политических институтов.

Разные пути модернизации?

Разные общества могут выбирать разные пути модернизации. Ряд стран может предпочесть достичь целей модернизации — построения инновационной экономики — без масштабной смены ценностей. Распространение толерантности само собой является радикальной сменой ценностей в результате перехода к пост-индустриальному обществу. Логично предположить, что найдутся общества, которые предпочтут заявить о своем «особом» пути модернизации, с сохранением своих «традиционных ценностей». Это может звучать еще более логичным, если предположить, что построение пост-индустриального общества ведет к распространению демократических ценностей, появления открытой политической системы и демократизации. Далеко не всегда авторитарные лидеры аграрных и индустриальных стран, объявляющие о необходимости модернизации экономики, готовы пойти на такие политические преобразования. Поэтому можно выдвинуть и альтернативное предположение: успешная экономическая и технологическая модернизация возможна и без радикальной смены ценностей и распространения толерантности.

Фактически в данном случае речь идет о попытке построения пост-индустриальной экономики, но не в рамках пост-индустриального общества. Для многих развивающихся стран будут стандартными заявления о своей приверженности модернизации, но без заимствования «западных ценностей» и «западного образа жизни», которые объявляются чуждыми их традиционному укладу. В этом случае модель модернизации будет предполагать иные приоритеты: вместо заимствования ценностей, институтов, главным фактором успеха будет считаться высокий уровень инвестиций, с акцентом на инновационные сектора экономики.

Эти страны пытаются избежать изменений в культуре и системе ценностей и ищут ответ в «инвестиционной модели» в рамках догоняющей модернизации. На мой взгляд, эта модель во многом совпадает с видением модернизации значительной части политических элит развивающихся стран; они склонны понимать модернизацию лишь как прогресс науки и технологии. Представление о модернизации, как о совокупности инноваций и инвестиций, позволяет и выбрать альтернативную стратегию модернизации — замена сильных институтов высокими темпами инвестиций.

Я выделяю две модели модернизации, на основании соотношения между толерантностью и инновациями: *«толерантная модель»* и *«догоняющая модель»*. Толерантная модель делает упор на высоком уровне развития инноваций, толерантности и относительно низком уровне инвестиций, догоняющая модель — наоборот.

Толерантность оказывает значительное влияние на экономическую и технологическую модернизацию. Если современная модернизация, переход от индустриальной экономики к пост-индустриальной, связана с появлением особого социального класса, креативного класса, то толерантность

оказывается важным условием для создания комфортной среды обитания для этого класса. Пост-индустриальная экономика требует построения пост-индустриального общества, основанного на ценностях самовыражения. Тем не менее, не все предположения Р.Флориды подтвердились: толерантное отношение к иностранцам получило меньше всего поддержки и является наиболее слабым фактором для модернизации. Самым значимым фактором, который показал себя во всех моделях, оказывается гендерное равенство. Отношение к сексуальным и этническим меньшинствам оказалось менее значимым, их сила и характер влияния во многом зависит от модели модернизации.

Исследование показывает, что существуют различные пути к экономической модернизации, в зависимости от уровня толерантности в обществе. Некоторые общества пытаются построить пост-индустриальную экономику без построения пост-идустриального общества, хотя эта вероятность довольно мала. Модернизация с упором на инвестиции ассоциируется с низким уровнем толерантности и низким уровнем развития политических институтов.

Институты имеют значение: они, похоже, являются каузальным механизмом, обеспечивающим взаимосвязь между толерантностью и модернизацией. Особо сильное значение для успеха модернизации стоит придавать верховенству права и контролю коррупции. Институты играют ключевую роль в толерантной модели модернизации, так как они гарантируют креативному классу поддержание открытости, разнообразия, защиты его интересов, в том числе права на индивидуальность и собственную идентичность. В случае догоняющей модернизации роль институтов игнорируется, упор делается на инвестиции: капиталовложения важнее, чем ценности и политические институты.

Библиографический список

1. Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic Books, 2002.
2. Florida R. and Mellander C. *There Goes Metro: How and Why Bohemians, Artists and Gays affect Regional Housing Values*. // *Journal of Economic Geography*, Vol.10. N2. 2010. P.167-188.
3. Florida R., Mellander C., Stolarick K. *Inside the Black Box of Regional Development – Human Capital, the Creative Class and Tolerance*. // *Journal of Economic Geography*, Vol.8. N,5 2008. P.615-649.
4. Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968.
5. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

6. Inglehart R. Technological Change, Cultural Change, and Democracy. In: Globalization and Society. Process of Differentiation Examined. ed. by R.Bruton and J.Reitz. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
7. Inglehart R., Norris P. Rising Tide. Gender Equality and Cultural Change around the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
8. Inglehart R., Norris P., Welzel C. Gender Equality and Democracy. // Comparative Sociology, Vol. 1, N3-4. 2002. P.321-345.
9. Lipset S. Political Man: The Social Bases of Politics. New York: Doubleday, 1960.
10. Mellander C. and Florida R. The Creative Class or Human Capital? Explaining Regional Development in Sweden, 2006. URL: http://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/The_Creative_Class_or_Human_Capital.pdf (Дата обращения 13.06.2012).
11. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World: 1950-1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
12. Olson M. Democracy, Dictatorship, and Development // American Political Science Review. Vol. 87. N3. 1993. P. 567-576.